

Станислав Климов

**НА ТЕЛЬНЯШКЕ,
как и в жизни.
две полосочки всего...**

18+

Станислав Климов

На тельняшке, как и в жизни, две полосочки всего...

<https://litres.ru/74415859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое настоящая молодость, романтика голубых дорог и суровая школа речного флота?

В автобиографической повести автор приглашает читателя совершить путешествие в середину 1980-х годов — в золотую эпоху советского речного судоходства. Это искренний и живой рассказ о первой практике на мощном волжском земснаряде, о жарких днях и бессонных ночах на вахтах, о дружбе, первых серьезных заработках и взрослении.

Здесь есть всё: жаркое волжское солнце, неутомимая студенческая братия, курьезные случаи на воде, столкновения с дикой природой и суровыми реалиями советской глубинки, а главное — искренняя любовь к реке и выбранной профессии. Пройдите этот путь от зеленого курсанта речного училища до закаленного речника вместе с героями книги!

Станислав Климов

На тельняшке, как и в жизни, две полосочки всего...

КНИГА

«На тельняшке,
как и в жизни,
две полосочки всего...»

Станислав Климов

Личная благодарность Генеральному Директору
ООО «КЛИМОВЪ»
Климовой Марине Геннадьевне
за оказание материальной помощи при издании книги

«Я выбор сделал свой,
Тернистый и нелёгкий
И никогда о том не пожалел»

Спасибо всем моим близким и родным людям,
что не пытались отговаривать меня
свернуть с выбранного пути

ПРОЛОГ

Сколько с тех времён утекло в Советских и Российских реках воды, сколько песчаных и гравийных перекатов заилилось и потом очистилось земснарядами, сколько береговых и плавучих знаков выставилось по весне и снялось осенью, сколько судовых ходов поменяло свои места пребывания и направления? Не знаю. Много, наверное. Много и лет прошло после моего выпуска из того самого знаменитого на всю великую Страну Советов Горьковского речного училища имени Ивана Петровича Кулибина. Да и страны-то самой давно уже нет.

Нет ничего, только моя назойливая память не даёт покоя, она не забывает тех интересных взлётов в высоту карьеры и падений на дно бездны, поучительных мгновений и необдуманных юных решений, после которых становилось больно и тяжело, радостно и легко, всеми ими были насыщены те самые годы.

Замечательные курсантские годы, замечательные времена становления из домашнего среднестатистического мальчика в настоящего сильного мужчину.

Замечательные времена обмена аттестата о восьмилет-

нем школьном образовании на рабочий диплом члена экипажа командного состава дноуглубительного флота и государственный дипломом гидротехника.

Замечательные времена перерождения невысокого бесшабашного курящего пацана в статного серьёзного молодого человека, бросившего курить раз и навсегда.

Наконец, замечательные времена определения дальнейшей судьбы и выбора дальнейшей дороги своего существования, оказавшейся навсегда правильно выбранным направлением.

И самое главное, замечательные времена перерождения искренней чистой наивной юношеской любви в настоящую взрослую и времена выбора себе спутницы жизни, ответившей взаимностью и разделившей с курсантом его мечты создания крепкой ячейки общества – семьи.

Замечательные были времена...

Пусть моя память что-то упустила, пусть она кого-то не вспомнила или вспомнила что-то не так, как было на самом деле. Пусть, на полную документальность и точность прошлого автор не претендует. Просто она запомнила это именно так и искренне пытается в данной книге отразить тогдашнее состояние моей души и передать на белых листах мои эмоции, перехлёстывающие, порой, через край, словно волны шторма через борт корабля в определённый момент плавания. Она запомнила и пытается передать именно те настроения и те интонации времени, которые преобладали в

мужском закрытом полувоенном учебном заведении и за его пределами в середине 80-х годов сложенного уже в пыльный архив истории столетия.

Извините, если о ком-то написал не то, что было на самом деле, все-таки, данное произведение является художественным, основанным на реальных событиях, и оно уже само по себе получило путевку в жизнь.

Приятного Вам чтения, дорогие читатели.

Искреннее Ваш, автор ниженаписанных строк,

Член Российского Союза Писателей,

Станислав Климов

февраль 2022 года

ИЗ-ПОД МАМИНОГО КРЫЛА. 1 КУРС. ГОДЫ 1982-1983.

С ЗАМИРАНИЕМ СЕРДЦА

Окончательно и бесповоротно подходит к своему финалу последнее лето моего детства. Моего весёлого бесшабашного спортивного и подвижного, насыщенного разными приятными и не очень событиями, детства. Позади восемь классов средней школы, аттестат без единой троечки, с хорошей оценкой за поведение и положительной характеристикой за внеклассные работы уже в кармане. Позади почти восемь лет

упорных футбольных тренировок, с их синяками и ссадинами, игр и турниров на полях области, с их призами и грамотами. Позади рыбалки и дворовые игры, гулянки с гурьбой девчонок и мальчишек из класса и детская дружба. Когда ещё встретимся и как распорядится нами жизнь? Заканчивается отдых перед учёбой в речном училище, долгожданной и увлекательной, перед временем настоящего взросления. Временем, которое должно сделать из домашнего ребёнка настоящего мужчину, речника, командира водного транспорта. Я весь в ожидании завтрашнего дня.

...Несколькими днями раньше.

Я сижу в нашей квартире и готовлю рыболовные снасти, хочу ещё разок со своими друзьями, которые отдохнули, набрались сил и собираются через пару дней в девятый и десятый классы, съездить на ночную рыбалку, посидеть у костерка и поболтать о закруглившемся детстве. Звонок в дверь, иду открывать.

- Вам телеграмма. Распишитесь и получите, - в дверях женщина почтальон с тяжёлой сумкой газет и журналов.

Расписываюсь и закрываю дверь, читаю:

«Согласно приказу начальника Горьковского речного училища Медведева вы зачислены на первый курс отделения «Водные пути сообщения». Группа 11. Вам надлежит прибыть в течение 31 августа сего года по адресу: Горький, Лядова, 93, дом курсанта. Канцелярия».

Всё! Я курсант самого знаменитого и самого старинного,

по словам дяди Володи, речного училища страны!

Я не знаю, как мне усидеть на месте, маму ждать ещё несколько часов. Мне и на рыбалку уже неохота. Ну её, на-рыбачился! Я теперь курсант, буду ходить в форме и ездить в увольнение домой по выходным.

Маму я еле дождался, читая и перечитывая телеграмму, запрыгал перед ней до потолка. Осталось только собрать с собой всё самое необходимое на первое время, пока не выдадут форму...

Солнечным днём последнего штриха лета мы с мамой и старшей сестрой Светой переступаем порог контрольно-пропускного пункта дома курсанта, который охраняет молодой парень в белой рубашке и такой же фуражке, с красной повязкой «Дежурный по КПП» на левой руке. Из-под повязки видны две «сопли», второкурсник. Я с замиранием сердца ощущаю ауру самостоятельной мужской жизни, ауру закрытого полувоенного заведения, за стенами которого ребята, приезжающие сюда из всех уголков необъятной Родины, становятся мужчинами. Взрослыми, самостоятельными, ответственными воспитателями душ молодого поколения рядового состава флота.

- Здравствуйте, - жёстко, громко, но вполне тактично при входе в вестибюль дома курсанта, приветствует нас мужчина в офицерской форме, с повязкой «Дежурный по ДК», - курсанту надлежит постричься, выходя из КПП, налево, двести метров через перекрёсток парикмахерская. Там скажете, что

курсант «Кулибинки», поймут. Стрижка стоит десять копеек.

Чётко, по военному, потом, чуть позже я, да и все мы, узнаю, что это Невретдинов, начальник организационно-строевого отдела, сокращённо ОРСО. Человек требовательный, строгий, громкий, жёсткий, но справедливый. Он и будет нас мучить строевыми подготовками перед парадами всего города. Но, это потом...

- Мам, ты чего, не узнала меня? – я, подстриженный под «ноль», словно гладкий футбольный мяч, в своём новеньком джинсовом костюме зашел в вестибюль, а мама даже не обратила на меня внимания, только повернувшись на скрип массивной деревянной входной двери и снова уставившись в окно, в ожидании любимого сына.

- Ой, - только и смогла она промолвить, - не узнала, - и обняла со слезами.

Сестрёнка гладит нежно мою лысую голову, улыбаясь. Мы начинаем прощаться, когда в вестибюль зашёл помощник дежурного и офицер передал ему меня, отдав документы и сказав, в какую роту проводить...

Мама со слезами на глазах смотрит вслед, прекрасно понимая, что сын избрал такую дорогу сам и надо просто с этим смириться. Её любимый Стасик захотел самостоятельности, пусть попробует. Пусть...

- Ты зачислен в 17 роту, вы на четвёртом этаже располагаетесь, - объясняет парень, шагающий на ступеньку впер-

ди меня.

Мы поднимаемся по широким лестничным маршам старинного каменного здания, похоже, недавно отремонтированного, покрашенного и побеленного. Пролёты между лестницами такие большущие, что можно сверху впятером прыгнуть и ни одного перила не заденешь, падая вниз. Сами перила с рисунками из металла, витиеватые вензеля, толстое дерево. Двери при входах на этажи высоченные, метра по три, со стёклами. За ними видны большие фотографии речников и теплоходов, речных пейзажей и водных стихий. В окна между этажами просматривается двор дома курсантов с разлинованным плацем, огороженной высоким забором из проволоки футбольной коробкой и хозяйственными постройками. Всё крупно, массивно, монументально. Сразу ощущаешь себя частичкой чего-то большого, исторического, что ли. Природная любознательность и здесь проявляет свой интерес к заведению, в котором предстоит провести следующие четыре года юной жизни и...

Войдя сюда вчерашним восьмиклассником, выйти через некоторое время упорной учёбы капитаном речного флота Советского Союза. Всё красиво, необычно, пахнет самой историей далёкого-далёкого времени. Не зря же потом узнаем, что на этот момент главному зданию учебного корпуса и дома курсантов училища более ста десяти лет. Во!

Мы заходим на четвёртый этаж и перед глазами открывается просторный длиннющий коридор с кучей белых дверей

по обеим сторонам, а вдалеке стоит ещё один дежурный с повязкой на рукаве. Подходим и...

ЗНАКОМСТВО И РАССТАНОВКА ПРИОРИТЕТОВ БУДУЩЕГО

- Дневальный, принимай новенького, - один парень передаёт меня «с рук на руки» дневальному по роте, стоящему «на тумбочке», - вот его документы.

- Хорошо, - говорит «тумбочник» уходящему, и, не читая телеграммы, уже обращается ко мне, - в какую группу пойдёшь, в одиннадцатую или двенадцатую?

В ответ получает кивок в сторону ближайшего кубрика, на двери которого красуются две единицы. Я же знаю, что в телеграмме именно одиннадцатая группа прописана. А оттуда доносятся весёлые громкие голоса парней, рассказывающих, похоже, свежие анекдоты и громче всех смеющихся над своими же словами.

- Пошли.

Мы входим в просторный, коек на тридцать, кубрик с большими светлыми окнами во двор, широченными подоконниками и рядами железных кроватей, разделённых через две тумбочками. Я слегка скованно оглядываюсь по сторонам, понимая, что попал в компанию таких же лысых и таких же незнакомых доселе пацанов, светленьких и тёмненьких, губастеньких и ушастьких. Одеты все в простенькие

джинсы или спортивные костюмы, футболки и рубашки. И тут, в дальнем левом углу, замечаю загорелого пухленького, как медвежонок, губастого с толстыми чёрными бровями на фоне розоватых щёк, пацана в тельняшке с длинным рукавом. Ничего себе, ещё форму не выдали, а он уже в ней.

- Я туда пойду, - показываю в левый угол, направляясь к «тельняшке», а дневальный выходит из кубрика.

Ребят человек десять-пятнадцать, замолкают на секунду, наблюдая, кто вошёл, куда направляется и спокойно травят дальше анекдоты громкими, похоже, деревенскими «окающими» голосами.

Вижу, что «тельняшка» делит с кем-то тумбочку и самая угловая кровать занята рюкзаком. Останавливаюсь в следующем проходе, ставлю сумку на свободную тумбочку и плюхаюсь на соседнюю с ней койку, рядом с обладателем пухлых губ и полосатой речной одежды.

- Привет, меня Стас Климов зовут, я из Правдинска, - по-мужски протягиваю «тельняшке» руку.

- Вовка Миронов из Работок, - он протягивает свою натруженную ладонь, застенчиво улыбается и через секунду расплывается в широкой добродушной улыбке.

Минута и «тельняшка» с именем, как у моего дяди, крестного в выборе дальнейшего жизненного водного пути, становится добродушным другом. Не знаю, что это, электрический ток, магнит, зов сердца или как ещё назвать то чувство, которое посетило меня в этот момент. Посетило, не отпу-

стило, я просто определил безошибочно, понял, что это мой друг. Показалось или ощутил я это внутренностями, не знаю, но он мне понравился своей искренностью и чистотой добродушной улыбки, открытостью незаносчивой щедрой деревенской души потомственного речника, чуть ли не родившегося в своё время на танкере, тёплым рукопожатием сильно-го и застенчивого тихони, где...

Об этом чуть позже, забегаю, извините. Не могу удержаться, так как знаю, что впереди и очень хочется об этом поведать вам...

- А у тебя там занято? – киваю головой на соседство, надеясь занять с ним одну тумбочку.

- Да, там мой одноклассник Сашка Тавлиханов. Мы с ним с Бора приехали вместе, вот и заняли одну тумбочку, - низкий грудной спокойный и рассудительный голос ещё больше убедил меня в своём выборе напарника и друга, соседа и спутника по мужской жизни на просторах родных рек.

- Ладно, тогда будем кроватями дружить, - добродушно и искренне улыбнулся я во все свои белые зубки.

- Будем, - низким своим голосом пробубнил Вовка.

Немногословен, однако, тихоня, скрытный, что ли. Ничего, будем как «плюс» и «минус», дополнять друг друга. Всё будет замечательно, я же оптимист...

Мы много говорим друг о друге, хотя, Вовка больше слушает и улыбается, молчит и слушает. А словесный понос льётся больше из меня, балагура и непоседы, шутника и его-

зы. Я с одной байки перескакиваю на другую, из одной невыдуманной истории своего школьного детства ныряю в следующую, как в холодные омуты рек. Знаю все их наизусть. А он спокойно слушает, сопит и потирает ладонь о ладонь, что мне сперва показалось странным, только потом я усёк, это проявление его природной застенчивости. Так же как и покрытие красноватыми «яблочками» щёк. Ох, сколько таких моментов будет у нас в жизни и я никогда не устану удивляться этому румянцу на Вовкиных щеках, на его смуглых круглый год щеках...

Вечер подкрался незаметно. В кубрике прибавляется народу, так к отбою все койки и заняли, перезнакомившись и оборжавшись от анекдотов со всей страны. И было от чего, из тридцати пяти ребят, которых определили в группу «11 ВПС» человек двадцать из самого Горького, остальные со всех областей и республик. Да, именно так. Четверо с соседнего, через Волгу, города Бора, из старинного города Кинешмы трое, из Дзержинска, Перевожа, Навашино, Павлова, Лукоянова, Кулебак и из соседней республики Чувашии по одному. Одного украинца, очень плохо говорящего по-русски, занесло из Ворошиловграда. К слову, за год учёбы при дисциплине, Володя Фасуляк так и не научился точно отвечать на вопрос во время вечерней и утренней проверки, когда старшина роты пофамильно называет всех:

- Фасуляк!

- Я Фасуляк, а шо будет?! – и это вместо простого «я!».

Он за это и галюны драил, ночами больше всех на тумбочке стоял, но, то ли по хохляцкому упрямству, то ли просто по баловству и отсутствию внутренней дисциплины, но так и гнул своё. И это было уже совсем не смешно, когда его начинал отчитывать старшина, а мы стояли столбами и ждали окончания...

Одного азербайджанца занесло, с ужасным кавказским акцентом, из самого Баку, куда нам предстоит отправиться на военно-морские сборы через четыре года, а Володька Бозин прибыл из дальней деревушки Казахстанских степей, из очень дальней и «глухой» деревушки, где кроме арифметики и чтения ничего не преподавали. Много разных ребят оказалось в последний день лета в большом просторном кубрике, весёлых и общительных, тихих и скрытных, наглых и обидчивых, городских и деревенских, простых и воровливых, дружелюбных и агрессивных. Мы начали узнавать друг друга, пытаясь спланировать в один коллектив под названием 11-я группа 17-ой роты отделения «Водные пути сообщения», чему очень помог наш...

«ДЕД»

Лысые, в разноцветной одежде, в тапочках и кроссовках, ботинках и туфлях, мы выстроились на первую вечернюю проверку. Рота 17, состоящая из двух групп вчерашних восьмиклассников на своём этаже ждёт командира роты. Какая

там ещё дисциплина, мы переминаемся с ноги на ногу и вспоминаем анекдоты, байки из своей прошлой школьной жизни, смеёмся и ждём его.

- Рота, смирно! – команда дневального на тумбочке.

На этаж входит невысокого роста пожилой человек с выправкой военного и направляется к нам. Седые густые брови, подтянутый подбородок, морщины по всему лицу и... очень добрые глаза, глубоко посаженные и проницательные серые глаза. Костюм офицера подчёркивает его выправку, на левой части груди, прямо около сердца несколько рядов орденских планок. Воевал. На левом рукаве повязка «Дежурный по ДК», значит, вечером принял дежурство у того строгого офицера, что меня отправил подстригаться. Дед, не иначе, так и шушукается весь строй, видя перед собой этого невысокого подтянутого старика, действительно, годящегося нам в дедушки. Так и нарекли его «Дедом», ласково и по внуковски.

- Здравствуйте, товарищи курсанты, меня зовут Сергоде-ев Василий Степанович. Я назначен вашим командиром роты и отцом родным на ближайшие четыре года. Прошу любить и жаловать, - вроде бы строго, четко, по военному, и в тоже время очень спокойно, обаятельно и нежно отрапортовал он, двигаясь вдоль строя, - вы зачислены в самое знаменитое и самое старинное речное училище Советского Союза, которое берёт своё начало ещё с 1870 года. Ему дали имя знаменитого во всём мире русского механика и изобретателя

Ивана Петровича Кулибина, прошу учесть это и не позорить своей плохой учёбой и поведением имя «кулибинца». Кто будет свято чтить имя училища и дойдёт с ним до выпускного часа, тот станет настоящим командиром речного флота страны. Я буду всячески вам в этом помогать, а вы, в свою очередь, не должны мне мешать, а только помогать. Для помощи мне нужны активные ребята, умеющие находить общий язык с товарищами по учёбе и преподавателями, красиво рисовать и писать, быть коммуникабельными и разносторонними. Даю вам на размышление ночь. На утренней проверке жду ваших предложений, товарищи помощники. Все поняли?

- Да, - не стройно и не дружно ответили несколько голов.

- Для первого раза неплохо, - улыбнулся «дед», - а сейчас отбой! Дневальный, десять минут на личную гигиену и выключаешь в кубриках свет! Подъём в семь ноль-ноль. Разойтись!..

Так и произошло первое знакомство роты «путейцев» или «кротов», как нас нарекают в стенах училища со своим отцом-командиром. С виду приветливый старичок, лет шестидесяти, строгий, но мягкий, так, наверное, и будет по-дедовски к нам относиться...

Уже лёжа в кровати, когда погасили огни в кубрике, я вспомнил своего любимого дедушку – Савинова Николая Дмитриевича, нежного и заботливого, чуткого и щедрого.

Мне так не хватает его тепла и ласки, любви и нежности именно здесь, в холодных пока для меня стенах полувоенного закрытого учебного заведения. Как хорошо, что такой же улыбчивый и мягкий человек появился на пути и опять же именно сейчас, когда дедушка там, на Тёплом озере. И когда я смогу к нему приехать, не знаю. Ладно, хоть, с командиром роты легче будет постигать азы самостоятельной жизни флотского человека, легче будет взрослеть и мужать, такой не обидит. Эх, как бы этого хотелось...

С такими мыслями я и заснул. Слишком насыщенным оказался опустившийся за горизонт последний солнечный денёк лета, денёк, богатый на новые знакомства и нарисовавшиеся в солнечном небе августа 1982 года перспективы будущего командира речного флота. Ребята ещё долго шёпотом рассказывали друг другу анекдоты, не удерживались под подушками и одеялами и вылетали их конские ржания от своих же шуток. Дневальный каждые несколько минут заглядывал и успокаивал здоровый юношеский смех, доносившийся в темноте со всех углов кубрика. Но мне было всё равно, я уснул безмятежным сном младенца, хотя, сердечко готовилось к новым жизненным испытаниям. Готовилось стать одним из главных помощников своего командира роты. Энергии, позитивной и искренней, хоть, отбавляй. А почему бы и не помочь Василию Степановичу, как своему родному дедушке помогал выращивать и продавать рассаду...

А ФОРМА-ТО ДИСЦИПЛИНИРУЕТ

- Рота 17! Подъём! – голос дневального, словно обухом по голове, оторвал от сладких снов, в которых масляные маминны блины уплетались мною за обе щёки со сметаной.

Вот они, курсантские будни, рассвет только в окна, а мы уже бегом по лестницам, вприпрыжку через ступеньку, на зарядку и ни куда-нибудь, а на улицу, во двор и в одних футболках. Вот она, жизнь военная или полувоенная, почти не отличимая от военной. Распорядок дня один и тот же!..

Чего хотели, Stanisław Леонидович, того получите и распишитесь. Воспитывайте в себе дисциплину и характер закаляйте...

А на построении, перед выходом в учебный корпус, командир роты объявил своё решение о назначениях старшины роты и старшин групп с помощниками. Не забыл он комсorgh и профоргов роты и групп с помощниками, редакционной коллегии, отвечающей за выпуск стенгазет и других наглядных пособий для курсантов, а так же некоторых других активных ребят на помощь вышеназванным. Ваш покорный слуга стал комсоргом роты, коим протрубил до самого выпуска из училища и членом редколлегии, отвечающим за тексты в выпускаемых газетах, за что...

А об этом чуть позже...

- Во, мы с тобой и в строю рядом стоим, - Вовка расплылся в белозубой улыбке, когда командир роты, будучи дежурным

по дому курсантов, вывел всех его обитателей, имеющих там в наличии на 1 сентября на плац и выстраивал для первого марша в учебный корпус.

Здесь он нас уже расставляет по росту, как положено в строю, настоящем военном строю. Мы и здесь оказываемся рядом, роста одинакового, только телосложением Вовчик поплотнее. Это я «ни в коня корм», как утверждает мама, а он, видимо, хорошо питался, не зря же мама коком на танкере с папой работает и по сей день. Судьба, однако, и в строю стоять рядом, как лежать на соседних койках...

- Давай и за парту одну сядем? - пробасил Вовка, когда мы вошли в первый свой класс учебного корпуса, видимо, найдя во мне того человека, которого ему не хватает по жизни или просто со мной ему интереснее, чем с двумя вчерашними одноклассниками, а сегодня курсантами нашей группы.

- Давай, - улыбнулся я и понял, что один плюс два и уже не совпадение, точно судьба.

Так и сели вместе и на все четыре года, на все четыре курса, ни разу не изменив своих решений и не переметнувшись куда-либо с одной парты. Опять тороплюсь...

Дни полетели, словно с деревьев жёлтые пожухлые от первого морозца листики берёз и тополей, осин и клёнов. Мы привыкаем к распорядку дня, к хождению по сорок минут строем на учёбу и обратно. После домашних харчей и школьного образа жизни привыкаем к большим физическим нагрузкам, курсантской пище и дисциплине. Привыкаем к во-

енному положению, а однажды...

- Товарищи курсанты 17-ой роты, сегодня после учебного процесса и по приходу в дом курсанта все идём получать обмундирование, - Василий Степанович встретил нас на выходе из училища, на построении в колонны.

Сказать, что мы очень приятно восприняли сказанное, значит, не сказать ничего. Мы обрадовались, словно дошколята шоколадной конфете или яркому подарку, эмоции выплёскивали через край, лились наружу расплывающимися в улыбках физиономиями. И ещё один плюс, о котором особенно приятным стало сие сообщение командира, что сегодня вечером все городские ребята получают увольнительные, что бы привести форму в порядок. А для иногородних есть шанс полакомиться домашними вкусностями, которые те, городские, обязательно принесут из дома, от любящих мам и бабушек...

- Санёк, смотри, у тебя женский половой орган на спине! – ржёт басом здоровенный Борька Бурдюк, двухметровый кинешемский деревенский хохмач и балагур, показывая пальцем на шинель, которую надел низенького роста Сашка Акифьев. - Ха, ха, Санёк, а тебе штаны не жмут!? – продолжает он на весь кубрик, держась за живот, наблюдая, как тот же Санька оттопыривает верх брюк и видит, что туда влезет за просто еще такой малец.

- А сам-то, далеко ноги просунул в брюки! – Сашка, слегка покрываясь румянцем, не отстаёт в любезностях, и вся

группа падает от хохота, видя, как Борькины ноги почти обтянули короткие суконные форменные брюки, и снизу видны волосы на ногах.

Мы примеряем полученное обмундирование и не можем не умирать от хохота друг над другом. Наверное, ни одному из тридцати пяти человек не досталось ничего строго по размеру, разве, что головные уборы – фуражка и шапка. Здесь всё в порядке, строго по головам и присутствующим в них мозгам. А, да, ещё перчатки особо маленького, почти детского размера. Если бы можно было, все бы ринулись по домам и ушивали форму. Но, увы...

- Городские, все идёте в увольнение? – в кубрик зашёл дневальный.

- Да!!! – почти хором заорали на десятки голосов, разлетевшись гулким эхом по этажу.

- Во орать вы горазды! А иногородние кто поедет?

И мы начали записываться в список на получение увольнительного листка. Попробую и я съездить к маме, может, постирает и ушьёт мне форму, которая на мне, как на маленькой вешалке, мешком и фонарями по бокам. Жаль, что дома нет сестрёнки. Она швея и сделала бы из неё суперформу, по телу, по ноге. За окном около половины пятого вечера и до электрички с Московского вокзала почти час, успею...

- А тебе куда ехать? – мы стоим на Сенной автостанции с Сашкой Абрамовым, которому с того же вокзала по Московской ветке ехать минут пятнадцать.

- Я уже не успел на Московский вокзал, теперь в центр Сормова. Там в девятнадцать десять будет электричка на Заволжье, на ней и поеду. Да вот, как ехать туда, не знаю. С мамой только с Московского ездил.

- А вот, читай, Сормово, Починки, седьмой микрорайон. Садись на сорок пятый автобус и доедешь, а там спросишь, - Санёк махнул мне на подкативший и открывший двери жёлтый «Икарус».

- И то правда, тогда я поехал, - пожал я ему руку и вскочил на подножку, поддерживая в руке «дипломат».

- А я с тобой, там по переходу дойду, - и он прыгнул вместе со мной в чрево большого автобуса.

Вечерний город живет своей жизнью, своей толкотнёй и массой ярких огней, жизнью огромного количества суетных машин и спешащих куда-то жителей. Я смотрю в окно автобуса и размышляю над тем, что и меня теперь можно назвать городским жителем, таким же суетным и вечно куда-то бегущим. На мне новёхонькая курсантская форма, мешковатая и великоватая, но я горд носить и такую. Я причастен к семье будущего флота страны, будущего командира теплохода или земснаряда, начальника вахты и властителя судеб подчинённых. А осень берёт свои права, городские деревья постепенно одеваются в яркие краски, под дуновением забияки ветерка медленно сбрасывают юбки и кофточки одеяний, посыпая предметами своего туалета проезжую часть и тротуары, аллеи парков и дворы многоэтажек. Осень в большом

городе, в столице Матушки-Волги...

- Я пошёл, до завтра, тебе еще долго ехать, не проспи, - Санёк вывел меня из раздумий, ему пора выходить, улыбнулся и выскочил в распахнувшуюся «гармошку».

Огни железнодорожного вокзала яркими стайками обрамляют перроны и само здание, подъездные пути и составы, стоящие под парами и без оного. Автобус вырулил на широкий и светлый Московский проспект, помчавшись дальше. Мне бы, действительно, не проехать свою остановку, хотя, я и не знаю, какая здесь будет моя. Надписей на остановках не видать...

Минут через двадцать я начинаю нервничать и пытаюсь глазами отыскать вдоль проспектов и улиц хоть что-то знакомое, какое-нибудь название магазина или остановки. Тщетно. Город большой и пока ещё не знакомый, совсем чужой поселковому парню, привыкшему ездить сюда только с родителями, не считая одного случая, когда мы с одноклассником Сашкой Тихомировым ездили за грампластинками. Съездили и угодили в переплёт с отсутствием денег на автобусный проезд. Да, есть, что вспомнить...

- Скажите, пожалуйста, а куда идёт автобус? – спрашиваю сидящую пожилую женщину.

- В седьмой микрорайон, а тебе куда, курсантик? – в ответ спросила она, увидев слегка испуганное лицо первокурсника.

- В центр Сормово, - совсем испугался я, понимая, что

и на эту электричку могу опоздать, - на железнодорожную станцию.

- Эх, проехали мы центр, - вздохнула она, сердобольно поняв, что я потерялся.

- А почему я не видел универмага в центре?

- Этот автобус, внучек, идёт по другой улице и не заезжает к универмагу. Ты теперь езжай до конца и там дойдёшь до станции Починки. С неё и поедешь. Тебе на Заволжье?

Я кивнул в ответ и понял, что домой сегодня попаду в лучшем случае на электричке, что идёт в двадцать один тридцать с Московского вокзала и дома буду только к полуночи. А что там делать во столько? Мама не успеет высушить форму, машинка у нас с ручным отжимом. Приехал!..

Так и получилось, что в дверь квартиры на четвёртом этаже я постучал ближе к полуночи, чем очень напугал маму.

- Ты чего так поздно, сынок? Что-то случилось? Ой, в новенькой форме! – через мгновение отойдя от шока моего появления, тут же обрадовалась она и обняла крепко-крепко, мы не виделись десять дней.

- Мам, ничего не случилось. Сегодня получили обмундирование и всем городским дали увольнительные до восьми утра ушить и постирать форму.

- А какой же ты городской? И почему так поздно отпустили?

- Да совсем не поздно, в пять часов вечера отпустили, просто я в Горьком заблудился и не на тот автобус сел, опоздал

на электричку из Сормово. Приехал только на двадцать один пятьдесят семь из Починок.

- Так тебе же на шесть двадцать восемь уезжать надо обратно, - посмотрела мама на часы, которые показывали первый час ночи.

- Встану и уеду, а форму тогда Света ушьёт, когда я на выходной приеду.

- Постирать-то я успею. Суконные вещи ушивают после стирки, что бы посмотреть, как подсядут.

- Не успеет высохнуть, - засомневался я.

- Ложись спать, курсантик, я всё сделаю...

А рано утром, на переполненной «студенческой» электричке я уехал в училище. Уехал в чистой, сухой и отглаженной заботливыми мамиными руками, форме, слегка подсевшей и смотрешейся уже не так мешковато. Она всю ночь занималась моим новеньким курсантским обмундированием, стирала, выжимала своими больными руками, сушила сначала на чуть тёпленькой батарее, а потом досушивала утюгом. Моя любимая мама сделала всё, что бы её сын приехал вовремя из увольнения и в сухой одежде. А пока сойдёт не ушитая, до следующего увольнения прохожу, не страшно. Главное, что я уже настоящий курсант, осталось сфотографироваться в форме и получить курсантский билет для предъявления патрулям в городе...

ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ НА ОТЧИСЛЕНИЕ

- Рота, становись на утреннюю проверку! – голос дневального совсем по иному звучит и совсем по иному воспринимается, ведь, сегодня мы похожи на настоящих курсантов первого курса.

Я успел из первой увольнительной, хотя, в переполненном автобусе мне чуть не выдавили кишки и не оторвали ручку «дипломата». Ровный строй юных ребят в сине-чёрной форме обходит наш «дед»:

- Вот, теперь вы похожи на настоящих курсантов «кулибинцев», - слегка улыбнулся своей тёплой доброй улыбкой, - прошу ещё раз вас о том, что нося эту форму, не забывайте то боевое флотское братство, в которое вы влились. Будьте всегда внимательны к чужому горю и не завидуйте чужому счастью, ибо нет чужой беды, завтра она может прийти к тебе. Помните, что вы теперь вместе на четыре года учёбы, а там, может, и на всю жизнь. Вечером вас будут фотографировать на курсантские билеты, будьте готовы. Разойтись!

Курсантский строй, состоящий из полутора десятков рот по полсотни человек, уже по-другому смотрится на улицах города. Девушки заглядывают в наши глаза и выискивают того, единственного, взрослые мужчины и женщины с уважением относятся к парням в форме, а мы гордо шагаем по Верхневолжской набережной, вышагивая под чёткий бой барабанов. Дисциплинирует, однако, ох, как дисциплинирует!..

Время учёбы, ранние подъёмы и зарядка на улице в «форме номер три», даже, при температурах близких к нулю, закаливание и физические нагрузки, самоподготовка и приём пищи по расписанию – жизнь идёт вперёд семимильными шагами по отсчёту «девяносто шагов в минуту». С каждым днём мы всё больше и больше свыкаемся с вниманием извне к нашим персонам.

Да и дружба моя с соседом по койке и парте завязывается всё крепче. По утрам мы подбадриваем друг друга весёлыми жизнерадостными улыбками, в строю слегка подгоняем шутками, за партой я помогаю ему с освоением школьных предметов. Вовка окончил школу с тройками в аттестате по основным предметам, по которым у меня всё в порядке, зато рисует классно, почерк аккуратный. На самоподготовке подсказываю ему решения задач и проверяю ошибки в русском языке. А после неё, в свободное время, мы познаём прошлое друг друга, рассказывая истории из детства.

- А тебе, что так часто письма ходят? – Вовка глянул на несколько конвертов с красивым ровным почерком.

- А, это мне девушка моя пишет. Олей зовут.

- Понятно, давно её знаешь?

- Она к нам в пятом классе пришла, в седьмом стали ближе общаться, в одной компании гулять, а в восьмом понял, что, наверное, я её люблю. Она тоже перед отъездом в речное училище призналась в своих чувствах и вот теперь у нас любовь по переписке. Она же в девятый пошла, много пи-

шет о классе, их два соединили. Гуляют гурьбой теперь без меня, а я жду увольнения на выходные, что бы её увидеть, - вздохнул я.

- А мне никто не пишет, родители в рейсе, сеструха замужем, она намного меня старше и у неё маленькие дети. Одна бабушка на Бору живет, так ей не до писем с огородом. Так, хоть, я помогал, а теперь некому, сама всё убирает...

За конами незаметно надвигается октябрь, жёлто-красные сухие листья вальсируют по плацу, скрипят предсмертными всхлипами о мокрый асфальт и укладываются «спать» в закоулках и проулках, прибываемые к подмерзающей земле крупными «слезами» ливней. Подходит окончание нашего «карантина», после которого мы можем получать увольнительные на все выходные. Городские ребята, живущие почти за контрольно-пропускным пунктом дома курсантов, с нетерпением ждут этого момента, только в жизни иногородних почти ничего не меняется, разве что...

- Курсант Папушев! Подъём! Почему все на зарядке, а вы под двумя одеялами? – командир роты зашёл в кубрик и увидел лежащего «с одним торчащим длинным азербайджанским носом из-под одеяла» курсанта.

Я дневальный, сейчас на подвахте и убираюсь у кубрике, пока все на зарядке. На улице градусов пять тепла, не больше.

- Мне холодно, я замёрз, - высунул нос наш южный друг, приехавший из Баку.

- А общий распорядок для вас не закон? – «дед» начал багроветь от такой наглости первокурсника, сдирая с него одеяла.

Папушев лежит во всей рабочей одежде и шерстяных носках. Правильно, отопление в городе запускают в жилые дома только в середине октября, в кубрике прохладно, вот южный товарищ и не выдерживает.

- Вы знаете, что бывает на военно-морском флоте за невыполнение распорядка дня и неподчинение старшему офицеру? – Василий Степанович сама серьёзность военно-морского «волка» и гроза подчинённым. – Увольнение с флота!

Папушев подорвался с койки и, надев ботинки, выскочил на улицу, я остолбенел, впервые увидев нашего командира таким раздражённым.

Это потом, после ноябрьских праздников, мы узнаем, кто такой Папушев в нашей группе. Только потом и об этом по порядку...

ФРАЗА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Первый снежок, робкий, мелкий, жёсткий и нагловатый, падает на замороженные лужи и потрескавшийся асфальт, скованную землю и совсем скрюченные трубочками «уснувшие» листву и траву, пытаясь нам показать, что приближается зима. Первая наша зима в курсантах, а стало быть, скоро мы оденем зимнюю форму одежды, тяжёлую и тёплую одно-

временно. Слегка сковывающую быстрые движения на марше и помогающую уберечься от холодных хлёстких осенних ветров и простуды. Болеть некогда, мы готовимся к параду на площади Ленина, главной площади города, который должен пройти 7 ноября, в День годовщины Октябрьской социалистической революции.

- Товарищи курсанты первого и второго курса речного училища имени Ивана Петровича Кулибина! Вам оказана почётная честь завершать демонстрацию трудящихся нашего города! С сегодняшнего дня мы начинаем строевую подготовку к этому мероприятию! – голос заместителя начальника училища по политической части, а по простому «замполита», Владимира Аркадьевича Банифатьева, звучит громко и торжественно.

Мы, вытянувшись в «струнку», все в чёрных шинелях с золотыми «якореватыми» пуговицами, в зимних шапках с кокардами «огурцами», в рабочих брюках и в подшитых белыми тряпочками «сопливчиках», на плацу перед домом курсанта. Скоро ноябрь и парад, а потом увольнение на трое суток, которое ещё надо заслужить хорошей учёбой и прилежным поведением. А нам, редакционной коллегии ещё и газету к празднику рисовать, запомнив с первого раза и помня до конца дней напутствие нашего «деда», когда он первый раз собрал актив в своём кабинете:

- Я собрал вас к себе, что бы вы уяснили и запомнили одну мою хорошую фразу, которой должны и обязаны в дальней-

шем соответствовать. Мы люди скромные, нам нужно только первое место! Всё, что вы делаете, должно быть лучшим в училище. Тогда и в увольнение будете ходить первыми и чаще других, и при распределении на работу будете иметь хорошую фору перед другими, - сказанное спокойно, но твёрдо, словно забивание гвоздей в металлическую палубу его военного крейсера, пыталось уложиться в головах пятнадцатилетних курсантов путейцев.

Что тогда означали его слова, мы мало поняли с первого раза. Только потом, спустя несколько бессонных ночей перед праздником революции, когда мы, а это ваш покорный слуга, мой друг Вовка Миронов, Сашки Машагин и Горбылёв выдумывали рисунки и патриотические тексты наших стенгазет, аккуратно ползая на коленях по листу ватмана формата А1. Когда он приходил утром и рвал наши труды безжалостно и хладнокровно со словами «Не годится!!! Думайте и не забываете об увольнении на праздник!!!». Когда наши мысли после такого обращения с нашими же трудами начинали по другому вылезать наружу, а глаза от недосыпания становились красными и мы засыпали на лекциях. Когда... Впрочем, однажды мы чётко себе уяснили, что мы люди скромные и нам нужно только первое место в смотре стенгазет. Нам очень хотелось на три дня домой, всем хотелось!..

...Сегодня, спустя более трёх десятков лет, я не знаю, стали ли мы четверо его любимчиками, но относиться к нам он начал совсем по родному, по-дедовски. Поощрял лишний

раз добродушной мягкой улыбкой деяния на благо всей роты. Наверное, именно тогда, ещё на первом курсе, я понял, что людей, несущих тебе удовлетворение своими трудами, отличными от учёбы, а стало быть, приносящими пользу себе и другим, должно поощрять. Впоследствии, став командиром речного флота, а затем и начальником большого флотского предприятия, я всегда поощрял тех, кто делал общее полезное дело в свободное от работы время, приносил славу и уважение всему коллективу. Будь то спортивные достижения или рационализаторская работа, творческая деятельность или...

Впрочем, меня опять понесло вперёд...

Пока я только курсант первокурсник...

Пролетел не только сентябрь, а октябрь закругляет свои временные рамки, сильнее прикрывая сухую потемневшую листву и холодный асфальт хлопьями свежего белого снега и одевая в зимнюю одежду деревья и кусты. На улице становится холоднее, в помещениях немного теплее. При любой погоде, кроме ливневых дождей, мы по два-три часа «драим» своими ботинками плац в строевой подготовке под командованием начальника ОРСО или его заместителя. Строгие мужики не дают спуска, мы не должны опозорить училище, мы новое поколение «кулибинцев». Всё, как в армии, по часам, по дням, по минутам, по распорядку жизни. Курсантской жизни полувоенного училища...

Наконец...

- Товарищи курсанты! Через полчаса строй выходит на улицу и в районе площади Минина примыкает к колонне района, замыкая всю демонстрацию! – последнее напутственное слово замполита.

Мы, в белых парадных ремнях поверх шинелей, в белых перчатках и суконной форме, готовые к новым свершениям и не ударим лицом в грязь перед «большими людьми города». Не опозоримся, потому, что мы «кулибинцы» и хотим после парада в увольнение на все праздники. О том, кто попал в список хорошистов с хорошим же поведением и получит увольнительную сразу после парада, мы знаем, редколлегия в полном составе весь вечер и полночи заполняла увольнительные листы роты. Естественно, что мы все четверо входим в этот список, наша газета попала в тройку призёров из числа двадцати с лишним газет, представленных на праздничный конкурс. С первого раза ошеломительный успех, хотя, от нашего «деда» мы дождались только похлопывания по плечу и спокойного «спасибо, товарищи курсанты»! Да и ладно, в увольнение поедем, даже Вовка на Бор к бабушке!

А пока...

...А ТАМ БЫЛ МОЙ КУРСАНТСКИЙ БИЛЕТ

Снег метёт неприятным образом, крупный и сплошной стеной, словно пытаюсь нас остановить. Да куда там, разве нас остановишь. Несколько «коробок» под бой барабанов

идёт ровным шагом по улице Минина, прямо на одноимённую площадь. Прохладно, мы греем уши, прижимая их парадными перчатками к головам, ветерок тоже помогает обдувать наши лица. Хорошо, что шинель не пропускает ветра и холода, а быстрый шаг придаёт тепла телу и ногам. Мы переговариваемся тихим шёпотом, что бы старшины не слышали. У нас эйфория! Немного и мы дома!

Вот уже и площадь с Валерием Павловичем Чкаловым, стоящим в неизменной позе и в одном и том же комбинезоне во все времена года и при любой погоде. Стоит и собирается в полёт, натягивая лётческие краги. А на площади колонны разношерстного народа, с транспарантами и флагами в честь Октября. Нас примыкают к хвосту строя и все двигают вниз, по Зеленскому спуску, между высокими насыпями, некогда воздвигнутыми защитниками и жителями Нижнего Новгорода. Что-то и холод пробирает, и ноги устают, а подумать, сколько идти до площади Ленина, уму непостижимо!..

Вот и Канавинский мост через Оку, знаменитая Волжская стрелка с её вмёрзшими в лёд двух великих русских рек краями и теплоходами, баржами и катерами. Большущий грузовой порт отдыхает, навигация окончена, а мы шагаем по мосту. Осталось совсем немного, совсем чуть-чуть и домой. А там мама и Светик, Ольгунька и отдых на целых трое суток! Ура! Первое полноценное увольнение, первый раз я могу гулять по посёлку моего детства с любимой девушкой и...

Да к тому же, у неё сегодня день рождения, моей Ольгунь-

ке исполняется 16 лет! Я в форме, прямо с электрички и за-
валяюсь в гости, обрадую её.

- Да здравствуют курсанты Горьковского ордена «Знак Почёта» речного училища имени Ивана Петровича Кулибина! Ура!!! – услышали мы зычный сильный, увеличенный громкостью сотен колонок, развешанных на столбах площади, голос диктора, ведущего праздничное шествие.

И так гордо стало за себя, за друзей, вышагивающих рядом, за свою маму и сестрёнку, что я с их помощью смог осуществить мечту юности и стать курсантом речного училища, прикоснувшись к его истории и влившись в братство речников.

- Ура!!! Ура!!! Ура!!!! – ответило дружное троекратное эхо несколькими сотнями юных сильных голосов.

Никакой снег и ветер не смогли нам помешать чётко, строевым шагом, пройти перед трибунами. Мы не опозорили своего звания...

- Курсант Абрамов! Курсант ...! Курсант Климов! Курсант ...! – выкрикивает наши фамилии старшина роты Серёга Лисин, вызывая из строя и раздавая увольнительные, в которых каллиграфическим почерком написаны дни и часы увольнения.

Мы завернули с улицы Коминтерна на Советскую, стоим своими «коробками» по ротам, в предвкушении разбегания в разные стороны после команды «Разойтись!». Через десять минут после прозвучавшей команды улица опустела, а маль-

чишки в чёрных шинелях с белыми ремнями и перчатками, кучками и группками отправились кому куда надо. На перронах Московского вокзала, что в пяти минутах ходу, нас собралось человек пятьдесят и я впервые увидел в вагоне своей электрички незнакомого парня тоже с одной «соплёй» на рукаве. Познакомиться с ним получилось чуть позже. В этот день народу было много и пересесть к нему не получилось, а вышел он на моей же станции Правдинск и быстро растворился в толпе пассажиров...

- Ой, сыночек, - мама обняла меня, словно ожидала, чувствовала, что родная кровинка приедет сегодня в увольнение, - снимай форму, сразу постираю.

- Привет, мам, нет. Сегодня же у Оли день рождения, 16 исполняется, схожу в форме, - твёрдо ответил я.

- А постирать-то и ушить успеем? Скоро Света приедет на праздники.

- Да, у меня трое суток. 9-го числа в 20.00 я должен быть в расположении роты. Завтра и постираешь...

- Стаська мой приехал! – Ольгунька, довольная и со счастливой улыбкой, в праздничном платье, обняла меня.

Мы не виделись с конца августа, когда расставались перед моим отъездом в училище. За это время разлуки успели написать друг другу по несколько писем, несколько тёплых и дружелюбных писем, с пятью-шестью исписанными страничками, с рассказами о её учёбе в девятом классе и моём привыкании к жизни в закрытом заведении полувоенно-

го типа. Она мне присылала желтые и багровые листики гербария из нашей аллеи, вложенные между страниц, наивные красные сердечки из цветной бумаги. Я в свою очередь искренние строки об ожидании первой полноценной увольнительной и однообразном, хотя, и очень интересном образе жизни курсантов, о новых друзьях и всё большем уважении к тем людям, дорогу которых я выбрал и, конечно же, о долгожданной встрече и грустной разлуке длиною в два месяца...

- Привет! С днём рождения, Ольгунька! – именно так мне захотелось её назвать, а они и не противятся.

- Какая у тебя форма красивая, проходи, мы с подружками сидим.

Вечер вдвоём не получился, праздник есть праздник, да ладно, у меня еще вечер в запасе и дни есть, наверстаем поговорить...

Утром я проснулся поздно, отоспался хорошо, отвлекшись от распорядка дня, услышав шум работающей в коридоре стиральной машинки. Сон, как рукой сняло:

- Мама! А ты карманы проверила? – кричу маме, занимающейся чем-то на кухне.

- Конечно, чего ты так кричишь? Вот, платок носовой и деньги были в кармане, - показывает содержимое.

- А курсантский билет?

- Не было, сынок. Может, в шинели?

- Какая шинель, мама, - уже убитым голосом проговорил

я, - в брюках билет, там специальный карман для него есть, на поясе.

Мама остановила машинку и начала доставать брюки:

- Точно, есть, - и она достаёт книжечку в синей корочке с надписью «Курсантский билет».

Моему шоку нет предела. Мама раскрыла и я увидел только свою лысую физиономию в форме и больше ничего. Ничего...

И это в первом же увольнении! И с этим билетом мне ходить четыре года! Вот попал, комсорг недоделанный!

- Извини, сынок, я не знала, что там такой карманчик есть. Проверила боковые и кинула в машинку, - виновато глядя на меня, оправдывается мама.

- Да, мам, они специально так скроены, с откидным фасадом для удобства на воде и сильном ветру. Здесь кармашек потайной для удостоверения личности, - показал ей я...

- А другой не могут дать?

- Не знаю... Стыдно, комсорг роты и так облажался в первое же увольнение. Посмотрим, у меня Вовка друг есть, художник. Да и я с командиром роты дружу, может, придумаем что, - успокоил я маму, совсем расстроившуюся...

Какого же было моё удивление, что ещё несколько парней с такими билетами из праздничного увольнения вернулись. Не все же мамы знают секреты военно-морской формы. Не все. Смешно и до слёз обидно так лохануться в самом начале учёбы. Как же его теперь в библиотеке показывать или пат-

рулю в городе?..

- Да, Стас, я тебе забыла сказать с этими праздниками. Моя племянница и твоя старшая двоюродная сестра Ира выходит замуж 12 ноября, приедешь? – перед самым уходом на вечернюю электричку говорит мама.

- А ты напиши записку нашему «деду», может, отпустит.

- Какому деду? – искренне удивилась мама.

- Мы так командира роты называем. Ему под семьдесят.

Мама так и сделала, а мне предстояло через несколько дней вернуться домой, правда, всем перипетиям предстоящей свадьбы предшествовало ещё много интересных событий, наваливающихся на меня, словно декабрьский снежный ком, хотя, на дворе установился только ноябрь. Очень интересных...

Я бегу на электричку, попрощавшись днём с моей девушкой, обещавшей так же прилежно держать меня в курсе школьных дел и вечеринок с друзьями и подружками нашего общего детства и юности. А я дал ей твёрдое обещание учиться на отлично и хорошо себя вести, что бы получать увольнительные на каждые выходные и приезжать в гости.

Двери тамбура вагона электрички плавно зашипев, закрылись за моей спиной, а я уже начал грустить о доме и маминых блинах, о своей Ольгуньке и её серых красивых глазах...

«СТАРИКИ» ПРИЕХАЛИ. СЕЙЧАС НАЧНЁТСЯ...»

- Товарищ дежурный по роте. Курсант Климов, 11-ВП, из увольнения прибыл, - я прохожу мимо старшины нашей группы Олега Папилова, отдаю ему увольнительный лист и пытаюсь зайти в кубрик.

- Подожди, Стас, - Олег смотрит на свои часы, что бы в увольнительной зафиксировать время моего прибытия и тихо останавливает, - там «старики» с практики приехали, смотри, осторожно, не нарывайся, они пьяные. Сейчас начнётся ночная жизнь, - уже со вздохом.

- Третий курс, что ли?

- Да, у нас на этаже с третьего курса многие приехали, а этажом выше четвёртый, но там их пока мало. Третьекурсники борзые, нас уму-разуму учат, по тумбочкам лазят, еду ищут, закуску.

- Понятно, - отвечаю, распахивая дверь в кубрик...

Я успел спокойно снять и повесить верхнюю одежду и перемигнуться с лежащим на своей койке Вовкой, пока из другого угла меня заметил рыжий парень в спортивном костюме, показавшемся мне очень знакомым. Он медленно встал и покачивающейся походкой двинулся в нашу сторону.

- Как фамилия? Откуда ты? – начал он спокойно и пристальные глубокопосаженные глаза упёрлись в мои.

- Климов из Правдинска, из увольнения прибыл.

- А пожрать привёз мамкиных пирожков? – ему осталось пара шагов до меня, когда я заметил характерную особенность своего спортивного костюма, который мне купила ма-

ма перед поступлением в училище и в котором я хожу здесь на физкультуру.

- Да, есть маленько, только не пирожки, а пирог с клюквой, - начал я раскрывать тумбочку.

- А... Это твоя тумбочка? Классный у тебя костюмчик, я взял поносить. Не возражаешь?

- А в чём я буду на физкультуру ходить? – спрашиваю я, понимая, что зря это делаю, но уже вырвалось.

- Ты чё, борзый такой, старшекурснику, у которого нет такого костюма, жалко, да? – он подошёл вплотную и красноватыми глазами упёрся в меня конкретно, говоря не очень громко, но жёстко.

Я попятился назад, да тут оказалась кровать, на которую я и упал спиной.

- У тебя там ещё «петушок» классный лежал, я тоже забрал, - миролюбиво продолжил он, - и кроссовки мне твои подошли, буду в секцию борьбы в них ходить.

Спокойно развернулся и направился к двери, забыв, похоже, про жратву, но вдруг дверь в кубрик распахнулась, и вошли два высоких парня в форме с четырьмя «соплями» на рукавах. «Деда»! Один из них, русский с короткой стрижкой и тонкими чертами лица, спокойный и серьёзный. Другой прямая его противоположность – пухлые губы с полным ртом крупных белых зубов и густые чёрные брови вместе с густой же шевелюрой создали для меня прототип кавказца. Добродушная его улыбка сразу расположила к себе, а он устоялся

на меня, единственного из всех присутствующих в кубрике в суконной выходной форме.

- «Баран»! А ты чего тут делаешь? – тихо, но грозно спросил светловолосый пытающегося выйти третьекурсника в моей спортивной форме...

...Потом, позже, я познакомлюсь вплотную и в не очень приятной для меня ситуации с этим самым «Бараном», Сашкой Барановым из 17 же роты «восьмиклассников», порой, борзым и наглым парнем. Правда, он только в поддатом состоянии терроризирует «карасей», а по трезвому очень порядочный и спокойный спортсмен, гордость отделения «Водные пути сообщения» легкоатлет разрядник...

- Да... я... ничего... уже ухожу... - он пытается скрыться за дверью, да светленький ему преградил путь, - иди, пропись, завтра же жалеть будешь о том, что сегодня «карасей» гонял. Я вот «Смоляну» скажу, где ты шарахаешься.

Он ушёл, а чернявый уже рядом со мной:

- Ты только что из увольнения прибыл?

Мне бы испугаться ещё сильнее, всё-таки, четвёртый курс, но его улыбка «до ушей» и широкая симпатичная щель между передних зубов обескуражила и я, сильно покраснев, только ответил:

- Да.

- Ты откуда родом, земляк?

- Из Правдинска.

Он тихонько хлопнул меня по плечу и повернулся к стоя-

щему у дверей светленькому:

- Игорёк, наш земляк, из Правдинска! – и уже повернувшись ко мне, - ты так быстро из электрички сиганул, что мы за тобой не успели. Мы с Игорьком тоже из неё вышли, из Правдинска приехали. Мы из 15 роты, я Серёга Ломов, а это Игорёк Крутов...

...Так я познакомился со своими земляками четверокурсниками, которые не давали меня в обиду другим. Землячество всегда и во все времена имеет место в таких учебных заведениях и в армии, поэтому и живётся «карасям» легче, если тебя найдёт такой «дед»...

Мы разговариваем в классе для самоподготовки, узнаём о себе и о своих знакомых, коих у нас оказывается достаточно много. Серёга, вообще, с нашего двора из дома напротив и учился в школе с моим братом Сашей Русиным, которого я проводил недавно в армию. Серёгину младшую сестрёнку я хорошо знаю, она моложе меня года на три. Игорёк немного дальше живёт по кварталу, да посёлок всё равно у нас один.

- А мы тебя заметили, когда ты из электрички выскочил и в толпе потерялся. Ты мог нас не заметить, мы в куртках гражданских были поверх сукна. Хотели догнать и узнать, а потеряли, шустрый ты, - Серёга мне всё больше и больше нравится своей простецкой добродушной широкой искренней улыбкой.

- А потом решили, всё равно в дом курсанта едешь после праздника, здесь и найдём, - уже слегка улыбнулся уголками

губ Игорь, - ты нам, если что, говори, когда обижать будут, а лучше сразу скажи, что ты зёма «Лома» и «Крута» из 15 роты, отстанут. А с этим «Бараном» держи ухо востро, он любит вещи тырить у «карасей». У тебя, кстати, ничего не взял? – Игорь посерьёзней, а я не стал «стучать» на «Барана», хотя, если мама узнает, что у меня форму украли, может хай поднять на всё училище, она умеет.

Не люблю я козырять дружбой со старшими, не красиво это, ими прикрываться, пусть идёт, как идёт, а там посмотрим. Но я кивнул одобрительно на их слова.

- Ладно, давай, земля, - протягивая руки, напутствовали перед уходом они, - мы пойдём, у нас там встреча роты. Кстати, совсем забыл, в роте третьекурсников есть тоже наш земляк, Димка Трусов, из Правдинска. Если он приехал с практики, мы увидим, скажем, что ты здесь учишься, бывай и никого не бойся, мы рядом...

Я вернулся в кубрик, меня сразу взяли в оборот ребята:

- Повезло тебе, земляки есть, заживёшь теперь, - начал Борька Бурдюк своим басистым голосом.

- Да уж, - только и промолвил мой Вовка, - повезло, так повезло.

Я и не понял, что имел в виду мой друг и сосед по койке, а он, оказывается, решил таким странным образом выказать недовольство по поводу «барана», взявшего мои спортивные вещи...

«Баран» был всего лишь первой «ласточкой» из череды

ночных походов в кубрики «карасей» со стороны приехавших третьекурсников. «Заплывания галсами» пьяных «стариков» одиночек и парочек в тельняшках и спортивных костюмах по поводу «мужики, жрать есть чего-нибудь, а то так пить хочется, что и переночевать негде» продолжались и после отбоя, и после полуночи, и почти до рассвета. Мне, даже, однажды подумалось, что лучше бы я взял увольнительную до утра, предлагали, да вставать дома рано не захотелось. А оказалось, что ложиться вообще не пришлось с этими приехавшими с практики взрослыми оболтусами...

А утром, на проверке, мы узнаём весёленькую новость...

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РОТА

- Товарищ старшина 17 роты! Товарищ Смолянов!! Это что за разгильдяи у меня с практики приехали?!! И это гордость путейского отделения?!!! И это мои лучшие курсанты?!!!! – мы, проучившись два с лишним месяца, ни разу не видели таким Василия Степановича, он закипал на глазах, словно самовар, видя стоящих в мятых робах и с мятыми лицами своих взрослых курсантов.

Женя Смолянов, здоровый крепкий парень с выдвинутой немного нижней скулой, симпатичный и спокойный, как танк, не знает, куда деть своё лицо. Он, старшина образцовой 17 роты спортсменов и отличников, гордости отделения во всём училище и гордости училища в городе, не смог но-

чью убереечь приехавших с практики с разных концов страны парней. Теперь стоит и отдувается за них, то-то им будет потом.

- Как и чему вы сможете научить своих младших товарищей?! – показывая на строй нас, «карасей», он обращается к ним. - Нам оказана честь создать экспериментальную роту из двух групп третьего курса и двух групп первого курса, что бы вы передавали свой опыт младшим товарищам. И что они видят?! Разгильдяи!!! Марш по кубрикам!!! Старшины роты и групп 31 и 32 групп остаться здесь.

Командир роты покраснел и постарел сразу на десяток лет, похоже, он впервые увидел своих воспитанников, которыми он занимается третий год, такими. А тут ещё мы, молодые да лысые и экспериментальная рота...

- Смолянов, Женя, нас всех объединяют в одну роту и оставляют номер 17. Поэтому берёшь на себя командование ею, - «дед» ходит перед строем, разговаривая со старшинами старших групп, в ряду которых оказывается и Сашка Баранов, помощник старшины «31-ВП» группы. Вот так.

- Понял, Василий Степанович, - спокойно принимает на себя командование Женька, понимая, что гроза миновала и теперь пойдёт по накатанной, он-то знает командира хорошо да и не подводит его.

Просто ребяташки приехали с практики и давно не виделись, таковое вышло общение. До мордобоя «малышей» он не допустил, хамства не было, за спиртным никого ночью не

гоняли, а что спать не дали «карасям», так мы ещё не прошли их «боевое крещение», посвящение в курсанты, так сказать, пусть учатся одеваться за сорок пять секунд, пока спичка горит...

- Ну что, первый курс, - начал спокойно старшина роты, вышагивая в домашних тапочках перед нашим строем, - я человек спокойный, но в гневе страшен, поэтому прошу не доводить до греха, - как-то простодушно, по-деревенски, продолжает он, барражируя эдаким большим линкором перед строем торпедных катеров. - Мои помощники Коля Приданов и Саша Сочнов будут наставниками ваших групп. Мне дел хватит и с моими оболтусами. Прошу любить и жаловать...

...Коля Приданов, низенького росточка и крепко сложенный парень, ставший наставником нашей группы, был очень похож на Александра Сергеевича Пушкина. Чёрные, как смоль, сильно кучерявые волосы с головы плавно переходили в бакенбарды, которые он, по-моему, специально отрастил на плавательской практике, что бы ещё сильнее походить на великого поэта. В конкурсе двойников он бы спокойно взял первый приз, уж очень был похож. Крикливый голос выдавал в нём экспансивного человека, эмоционального, дерзкого, но весёлого, справедливого и отходчивого. Нам он сразу понравился, когда начал обращаться, как с равными, хотя, грань до панибратства не переходил. Он оказался земляком, как говорят, «два лаптя по карте» Борьке Бурдюку и

Сеньке Румянцеву, чему очень обрадовались они все трое. Они все трое «окали» сильнее нас, тем и выделялись. А в целом, нормальный наставник, не лучше, не хуже других, причём, очень любивший борьбу и был разрядником и чемпионом училища в наилегчайшем весе. Такой вот нам достался парень учить уму-разуму...

Эксперименты начались для первого курса практически сразу после построения на учёбу, когда третьекурсники по выходу за ворота дома курсанта ломанулись на автобусы и трамвай добираться до учебного корпуса. Мы же отдувались за них перед их же старшиной Смоляновым. В строю, по подходу к улице Минина со стороны набережной, не оказалось ни одной шинели с тремя «соплями». Во время самоподготовки нас, «карасей», посадили за первые парты, а на задних стоял такой храп третьекурсников, что стёкла дребезжали в окнах. Умаялись, бедняжки. А после ухода ближайшим вечером командира роты домой после отбоя и состоялось то самое «боевое крещение» посвящения в курсанты. «Старики» захотели похмелиться и собирали мелочь по нашим карманам, трясли и переворачивали тумбочки, кидали на пол шинели и шарили в портфелях, сумках и пакетах. А ночью, когда не хватило до полного отруба, продавали нам наши же вещи, кирпичи «на строительство будущего дома командира речного флота», делали «сон тренаж» раз по двадцать с сожжением спичек и одеванием за время её горения. Измождённые, мы попадали на свои койки далеко за полночь, злые

«до чёртиков». Именно тогда я и дал себе слово, что если когда-нибудь стану наставником молодых, буду учиться на старшем курсе, никогда не буду мучить и издеваться над «карасями», иначе такой беспредел никогда не закончится, никогда. Забегая опять вперёд, скажу, что так и жил всю жизнь, да и сейчас не понимаю этих «уроков мужества», а по мне, так показухи своего безкультурия по отношению к младшим товарищам...

Заснул я младенческим сном и мне кажется, даже, не слышал, когда дневальный прокричал уже ставшее привычным «рота, подъём!». Меня растормошил другой сосед, с которым я делю тумбочку, Андрюха Платонов.

А на построении, перед отходом на учёбу, нас опять ожидает сюрприз, впоследствии не обсуждаемый разве что ленивым на разговоры. Хорошо же получать новости с утра, когда командир роты приходит из дома или с совещания из учебного корпуса, которые начальник училища для офицеров проводит спозаранку...

ТРАУР

Ясное ноябрьское утро показалось мне приятным, чистым и весёлым. За окном валит белый-пребелый снежок. Так и приходит зима в наши пенаты, заметая все леса и поля, луга и реки, проспекты и переулки, парки и стадионы. Скользя, бегущие неумолимо малая в большую, а большая в

Каспийское море, Волгу и Оку голубым прозрачным ледком, прочным и толстым панцирем. Нет больше того сухого и сморщенного некогда золотого и багряного листопада, что вальсировал по аллеям и нашему плацу ещё совсем недавно. Да и сам плац становится белым и пушистым, словно укрытым бесконечным тёплым и уютным одеялом. Что теперь будет с сибирьковыми мётлами и вениками, которые привезли из осенней поездки в ближайший совхоз на уборку урожая второкурсники. Их, наверное, заменят деревянные лопаты и щиты, в которые так же смело впрягаются по два-три провинившихся курсанта, словно дисциплинарный батальон, и бегают из стороны в сторону, сгребая снег с асфальта, ведь, разметка на нём нужна, строевые по средам никто не отменял, хотя, и прошёл парад Великого Октября. Строевая муштра является одним из основных атрибутов воспитания в наших юных душах и телах армейской выносливости и стойкости, выдержки и выправки. Походим ещё...

Завтрак тоже показался вкуснее домашнего и сливочное масло очень жирным и сладким, хлеб мягче и душистее обычного, какао насыщенным и манная каша без привычных крупинок и комочков. Что это? Не иначе, наши повара научились готовить и не спят во время стоянки у больших электрических плит с пятидесятилитровыми баками для приготовления нам блюд, а интенсивно помешивают молоко и равномерно сыпят туда крупу...

- Рота, стройся на занятия! – голос Жени Смолянова ото-

рвал нас от разговоров, прозвучав слегка рановато и как-то очень уж громко.

Не имея желания послушаться старшины роты и получить пару нарядов вне очереди за опоздание в строй, мы лихо одеваемся в шинели, шапки и ботинки, подхватывая на ходу свои «дипломаты», портфели и папки с учебниками и тетрадями. Через несколько минут четыре группы выстроились в две шеренги, готовые выйти на улицу. «Старики» уже не так помяты, разве что некоторые, особо гулявшие прошедшей ночью. Адаптируются после свободы на практике и казенниках, которых у многих из них было предостаточно ввиду раннего окончания навигации.

Из своего кабинета, он же баталерка, вышел командир роты, задумчивый и слегка расстроенный:

- Товарищи курсанты! Вчера наша великая страна, Союз Советских Социалистических Республик, понесла тяжёлую утрату. Умер Генеральный секретарь коммунистической партии Леонид Ильич Брежнев... Страна в трауре на три дня, 10, 11 и 12 ноября, до дня, когда он будет похоронен на Красной Площади... - «дед», кажется, осунулся, постарел лет на десять, помрачнел лицом и еле волочит ноги.

Гробовая тишина всего строя ошарашила меня, молодого пацана, который и не понял почти ничего. Умер да и умер. А что такое траур, я и не знаю. Понятно, правитель страны, да только он, кажется «старый и немощный», как говорит мама, пора бы уж. Кого-то нового, более молодого, поставят, хо-

тя, мне-то какое дело? Что изменилось или изменится лично для меня? Не знаю.

А ему, капитану 1 ранга военно-морского флота, вступившему в коммунистическую партию ещё на Северном флоте, во время Великой Отечественной войны, будучи помощником командира на одном из кораблей северного конвоя, какого? Он, наверное, верит в светлое будущее, ведёт нас к нему крепкой поступью командира экспериментальной 17-ой роты. Наверное, понимает, что коммунизм и строится для таких, как мы, для нового поколения. А мы?

- Завтра в актовом зале учебного корпуса мы с вами всем училищем будем смотреть похороны товарища Брежнева. После уроков преподаватели, чья лекция будет последней, проводят вас в зал, - он взял себя в руки и уже более чётко и громко проговорил последнюю фразу...

Вот те на! А у моей двоюродной сеструхи завтра свадьба и командир меня отпустил после уроков домой, даже, заранее увольнительную старшина выписал на два дня. Что делать? Я же из-за этих похорон не успею на свадьбу!..

- А ты не слышал, разве, что похороны будут в 12 часов, до обеда ещё, - успокоил меня Вовка, когда мы сели за парты на историю, вторую пару, - успеешь и на похоронах побывать и на свадьбе оторваться, - вот так тихоня друган, ляпнул и я улыбнулся, успокоившись...

На сцене актового зала стоит несколько цветных телевизоров, показывающих приготовление к похоронам. Дежурный

по учебному корпусу офицер рассказывает курсантов:

- Первый курс рассаживается на семь передних рядов, ближе, ближе к сцене, товарищи курсанты, - заведя по одной «сопле» на рукавах, показывает рукой он, - проходите дальше по залу, ближе к сцене, не создавайте толпу.

Дальше идут ряды вторых курсов, третьих и совсем мало четверокурсников, им не до похорон, у них скоро государственные экзамены и свобода, да и более свободные они в своём поведении, всё-таки, уже почти выпускники, можно позволить пропуск похорон «горячо любимого и...». Зал постепенно наполняется офицерами, преподавателями и курсантами. И началась траурная процессия похорон, правда, более-менее видимая только с первых рядов. Здесь ещё можно что-нибудь различить на, вроде бы, большом экране, а из зала на совсем мизерном «Чайки-714». А уж что видят последние ряды, только замполиту и известно.

- Смотри, все «старики» уже дрыхнут, похороны утомили, бедняжки, - Вовка по привычке трёт ладонь об ладонь, оглядываясь на последние ряды.

- Везёт же некоторым, - усмехнулся я, - нам бы так...

Накаркал, будет и нам так на каждом курсе...

Мы, честно говоря, даже и не заметили знаменитого падения гроба с телом товарища Брежнева в могиле, о котором потом много рассказывали, слишком уже малы экраны телевизоров, слишком. Но похоронили достойно, всем речным училищем, тихо, мирно, траурно, с посапыванием и похрапыва-

нием последних рядов, «камчатки». Достоинство...

Через пару часов я мчусь в автобусе до центра Сормово, на электричку...

Свадьба дело такое, может быть, раз и навсегда. Во всяком случае, я хочу у себя с любимой девушкой именно так...

«...И ЧТО ТЕПЕРЬ, ЗАМУЖ НЕ ВЫХОДИТЬ?»

- Сынок, как ты вовремя! – мама увидела меня, стоящего в дверях квартиры. – Слышал, Брежнев умер?

- Да, мам, мы его уже похоронили, - спокойно отмахнулся я, - а что случилось?

- Из-за траура в стране запретили проводить праздники и свадьбы в ресторанах и кафе. Вот Иринкина свадьба и переносится в квартиру на пятом этаже в подъезде жениха.

- Ничего себе, - только и промолвил в ответ, переодеваясь из курсантской формы в «гражданку», - и что дальше?

- Да они с матерью своей закатили истерику, что теперь замуж не выходить из-за похорон? А их просто выставили на улицу со всеми продуктами и выпивкой, ничего не объясняя. Траур и всё!

- Так её Серёжка на первом этаже живёт, насколько я помню.

- А ты его квартиру однокомнатную видел? Она же совсем маленькая. Его мать еле уговорила соседку в трёхкомнатной провести свадьбу сына. Теперь мы все таскаем продукты на-

верх. Представляешь, на сорок человек продуктов сколько? А выпивки разной только десяток ящиков! Пошли помогать, а то скоро гости набегут, а там ещё почти ничего нет. Мы со всех ближайших квартир стащили стулья и столы, по всему подъезду побирались с Галькой...

Перекочёвывание свадьбы из известного мне по футбольной истории ресторана «Перекат» в одном конце посёлка в квартиру пятиэтажки на другом дело не из лёгких. Многие блюда уже в готовом виде. Да и некоторые члены будущего торжества уже с утра на радостях загасили свою дозу и ходят весёлые, им бы повод был, а набраться «за воротник» время есть всегда. Не помощники...

Свадьба, проведённая в «судьбоносный для всей страны период» прошла по всем правилам своего весёлого жанра, правда, под присмотром бдительных соседей и милиции. Петь и танцевать в эти дни никому не разрешалось, как только где-то включается музыка, сразу налетают дядьки в фуражках и на первый раз предупреждают, а уж потом...

Не обошлось без воровства пьяными мужиками спиртного, заботливо спрятанного моей мамой в квартире жениха и его матери. Любыми путями, шуточными и не очень, некоторые недобросовестные товарищи посчитали, что за их кровные подаренные деньги на столах мало горячительного и, узнав, где оно, пытаются под любым предлогом попасть в «склад» с водкой. Кому пописать, кому отдохнуть, чего только не выдумывают народные умельцы, лишь бы попасть к

заветным ящикам с бутылками. Так представьте себе картину, в набравшемся состоянии с пятого этажа на первый ещё спуститься можно, а обратно, да ещё с затаренным за пояс пузырьём, проблематично. Так к ночи и улили разбитыми бутылками и их содержимым ступеньки лестничных маршей. Продезинфицировали, называется. Смеху, слёз и шума, как на базаре.

И только к рассвету утомонились почти все. Свадьба прошла на славу, как обычно, как всегда на Руси, «с шумом, с гамом, с пылью и мордобоем», слегка перефразируя известного персонажа всеми горячо любимой и не менее известной советской комедии этого самого замечательного времени...

- Да уж, повеселились, - маме и мне предстоит убирать всё оставшееся после свадьбы.

- У меня ещё день есть, мам, поможем убрать и разнести мебель по квартирам. Сегодня только в 20.00 надо быть в роте, увольнительная заканчивается, - успокоил я маму, понимая, что гулянка гулянкой, а здесь не ресторан и придётся убирать самим.

- Надо будет подъезд помыть, а то спиртным несёт на всю улицу и осколки в кучках только сметены.

- А сколько бутылок у тебя стащили? – улыбнулся я, помня вечерние и ночные нестойкие похождения мужиков по этажам.

- Сначала Шурик стащил две, да одну не донёс, - уже улыбнулась мама в ответ, - одна выскользнула из-под пояса.

Он её плохо держал или сам плохо держался на ногах, не знаю. Хорошо, что не порезался об осколки, пьянящий же был! Как я его проследила, не знаю, вроде, только курить на площадку выходил, а тут, на тебе, с бутылками ползёт вверх, - с азартом рассказывает мама о своём нынешнем муже, с которым сошлась всего год назад.

- И что?

- Меня увидел и давай причитать «мамуль, мамуль, я писать ходил на улицу». А у самого штаны топорщатся на поясе. Я хотела посмотреть, что под пиджаком, а он мою руку начал оттаскивать, бутылка и скользнула по штанине об пол! Как уж он плакал, бедненький, что я помешала донести...

Мы оба засмеялись, разрядив слегка удручающую обстановку длительной и нудной уборки. Так и закончили к вечеру.

Мы живём в доме напротив того, где проходил вчера этот самый русский беспредел, не смотря на траурное время. Мрут регулярно, а свадьбы в семье бывают не часто. Старшая двоюродная сестра стала первой ласточкой среди нашей родни, пожелавшей окольцевать себя и своего женишка. Первой, и муж-то у неё пока только первым стал...

Уже по темноте я бегу на вечернюю электричку, следующую из Заволжья до Московского вокзала, моему увольнению осталась пара часов. Спокойно успеваю до вечерней проверки и, даже, немного удаётся списать у Вовки лекций, которые я пропустил.

- А к тебе тут земляк приходил из нашей роты, невысокий такой, с усиками, - Вовка рассказывает новости, произошедшие за моё отсутствие и показывает на тумбочку.

Я заглядываю внутрь и достаю свой спортивный костюм в полном составе, даже, кроссовки на месте.

- Кто принёс?

- Женька Смолянов, сказал, что бы не разбрасывал, где попало.

- И на этом спасибо. Только теперь бы не поиметь проблем с «Бараном».

- Не должен, - спокойный Вовкин тон вселили в меня надежду на лучшее...

ВОТ ОНА, ПЕРВАЯ «ЛАСТОЧКА»

А через полчаса, почти перед отбоем, в кубрик ввалился весёлый наш балагур, недисциплинированный и вечно мёрзнувший южный плод, курсант Папушев. Его по чьей-то указке отпускали на все праздники домой, в Баку, и он только что прилетел оттуда и примчался с аэропорта на такси. Красиво жить не запретишь...

- Пацаны! – он залетел в кубрик, сияя белоснежной улыбкой. – Я завтра подаю заявление на увольнение. Побывал дома и не хочу больше учиться. Мне дядя место приготовил на Каспийской флотилии. Я поступлю в Бакинскую «вышку» военно-морскую и буду с ним там служить. А это вам от меня

из южных краёв, - и он поставил на свою кровать большую корзину с фруктами.

Зря он это сделал! Мы, дети средней части большой страны, не искушённые баловством настоящими южными фруктами, набросились на корзину с мандаринами, персиками, апельсинами, абрикосами и виноградом. Сказать, что через пять минут от содержимого корзины ничего не осталось, значит, не сказать ни-че-го! Мы просто больше смяли этих самых спелых фруктов, нежели дали кому-то ближнему что-то нормально попробовать. Налетели, словно саранча на новые поля с зелёной сочной молодой пшеницей и разодрали содержимое корзины на куски, кусочки, косточки и мякотные места. Больше оставили раздавленных плодов и сока на всей его кровати. Когда рассосались по своим койкам, бедный Папушев только и сумел, что разинуть всегда добродушный «ты меня уважаешь, брат?» большой рот и с такой жалкой мимикой наблюдал увиденный бедлам, который мы сотворили с его подарком и кроватью. Она истекала сладкими соками только что лежащих на ней плодов. Да и сами плоды, в основной массе своей, превратились в раздавленные нашими руками кожурки и размазались по одеялу, простыне и подушке. Койка курсанта Папушева походила в данный момент на поле боя или точнее поле после боя. А кому что досталось или просто попало в рот в том бою, одному Богу известно и тому, кто, может быть, ощутил привкус победы и поел сладких фруктов.

Такого наш культурный азербайджанский товарищ явно не ожидал. Шок сковал его действия и только нечленораздельная тихая иностранная тирада из нескольких незнакомых слов медленно сползала с пухлых губ жителя прикаспийских горных склонов...

Мы же смогли только облизывать сладкие руки и вытирать следы соков от повседневной курсантаской одежды.

- Ну как, вкусно? – промолвил, наконец, опешивший Папушев после некоторой паузы, пока приходил в себя от произошедшего.

- Очень!!! – закричал Борька Бурдюк из дальнего угла. – Очень-очень!!! Привози ещё!!! Будем рады!!! А будут деньги, высылай и звони, поможем!!!

Весь кубрик взорвался добродушным громким смехом да таким, что дневальный с тумбочки прибежал в кубрик, узнать, что происходит. А всё случившееся заняло не более десяти минут.

- И на том спасибо...

Мы в толкотне и бою за бесплатными халявными южными сладостями совсем забыли или совсем не поняли, что Папушев сказал вполне серьёзные слова и эта корзина спелых плодов что-то вроде отходной. Он их нам привёз в дань уважения и природной культуры своего народа и находится здесь, с нами, последнюю ночь. Завтра, постоянно мёрзнувший и кутающийся в одеяло весёлый и жизнерадостный парень, курсант первого курса Папушев, подаст рапорт на

увольнение и первая «ласточка» на отчисление перед зимой полетит в свои тёплые южные края, где будет ждать нас четыре долгих года...

Первая из тех многих «ласточек», которым предстоит такой перелёт обратно домой после первой же зимней сессии. Наша группа 11-ВП начнёт редеть и из 35 поступивших останется...

А впрочем, обо всём по порядку...

А курсант Папушев по протекции своего дяди, занимающего один из высоких постов на Краснознамённой Каспийской флотилии, базирующейся именно в Баку, так и поступит в военно-морское училище, где проучится тоже совсем не долго.

Через четыре года, благополучно закончив учёбу в усечённом варианте, группа 41-ВП в составе 15 роты прибудет служить 45 суток в тот самый и уже изменившийся с началом перестройки Баку и Папушева там не будет. Его след, как и следы многих, отчисленных из нашей группы по ходу учёбы, затеряется на просторах великой нашей Родины – СССР...

«ЧЕБУРАШКА»

Ноябрь, ветреный и непредсказуемый, холодный и слякотный, серый и промозглый. Время двигает свои стрелки по циферблату учёбы и самоподготовок, занятий спортом и дополнительной нагрузкой в виде работы комсоргом ро-

ты, собирателем по 2 копейки членских взносов. Поступив в училище, с первого дня нам всем определили стипендию в виде 9 рублей на мелкие расходы. Кому-то уже необходимо бриться и для этого принадлежности, кому-то покупать ручки и карандаши, циркули и другие чертёжные инструменты. Уроки черчения, выведение точных линий под присмотром Павла Павловича Осипова, с курсантскими кличками «эс пополам» или «Пал Палыч», и Юрия Валентиновича Сиверса приводят в порядок наши юные формирующиеся умы, ставя в хронологическом техническом порядке события курсантской жизни закрытого полувоенного заведения...

Главное выражение Пал Палыча «эс пополам» я буду помнить всю свою сознательную жизнь. Он любит подчёркивать неточности в графике чертежей и ставить оценки на «произведениях искусства» курсантов не стираемой никакими ластиками чернильной ручкой, приговаривая:

- Вот здесь строго по стандарту должна быть линия эс пополам. Ставлю четыре с двумя плюсами, заслужил.

- А почему не пять с двумя минусами, - пытаюсь возразить, хотя, это уже бесполезно, размашистая, красивая четвёрка и два здоровенных плюса в нижнем углу чертежа.

- А потому, что пять с двумя минусами надо заслужить, когда будет эс пополам, - и точка.

Вообще, в случае с Пал Палычем мне повезло, хотя, понять это мне будет суждено гораздо позже, когда я поступлю в институт...

Группа курсантов, придя первый раз на черчение, всегда делится пополам, строго по списку в журнале. Два преподавателя в классе и делят. Ваш покорный слуга как раз стоит посередине списка своей группы и попадает последним к Пал Палычу или первым к Юрию Валентиновичу. Попал...

- Абрамов, Акифьев,.... Климов. Всё, семнадцать, - заканчивает на моей фамилии читать список Осипов, - это моя группа, остальные к Юрию Валентиновичу.

Так я и попал в группу к «эс пополам», группу «смерти», как говорят старшие товарищи. Сопровствления бесполезны...

Да, я слегка увлёкся, хотя совсем не зря, именно этот самый преподаватель научил меня грамотно и точно чертить и выдерживать все стандарты черчения. Именно ему я буду всю жизнь благодарен за то, что умею читать эти самые чертежи, ведь, он дал своими жёсткими требованиями мне дорогу в будущее, говоря постоянно, при приёме очередного «шедевра» от курсантов:

- Вы будущие технические работники. Обязаны читать чертежи, как букварь...

Так вот, о чём я? Курсантская стипендия и была тем самым моим общественным кошельком, для пополнения которого я и «потрошил» карманы у своих братьев после её получения. Две копейки, небольшие деньги, но я строго и в срок выполняю эту работу, составляя ежемесячные отчёты для комитета комсомола училища, сдавая собранные деньги.

Да ещё немного другой рутинной работы отвлекают иногда от учёбы и повседневных дел по распорядку дня...

По вечерам, в свободное время и в основном на самоподготовке, пишу письма Оле и маме, хотя, за хорошее поведение, положительные оценки, выставляемые для командира роты в рапортчиках на каждом уроке преподавателями и общественную работу, почти еженедельно на выходной езжу домой...

А тут мы получили стипендию, городским и пригородным дали увольнительную на ночь посередине недели. «Увезите маме всё лишнее», как говаривал наш «дед» про стипендию, подразумевая то, что бы у курсанта не было желаний прогулять их в кафешке с пивом или чем покрепче, а потом попасть в «чёрный список», о котором он же нам рассказывает с первого дня, но не говорит, что это и зачем. Поймём мы это опять же потом, через год...

- Поехали до Московского вокзала вместе, - Санька Абрамов подошёл ко мне, когда я уже почти одел шинель.

- Поехали, вдвоём всё веселее, - отозвался я, и мы вышли из кубрика, встав в строй увольняемых в город для проверки старшиной роты нашей выходной формы.

В шеренге стоят и третьекурсники. Один поворачивается ко мне:

- Ты Стас из Правдинска?

- Да.

- Я Димка Трусов из 32-ВП, тоже Правдинский. Поехали

домой вместе.

- Поехали, только я с Саньком хотел до Московского.
- А из Сормово раньше идёт электричка, успеем, если сразу на маршрутку дотуда попадём...

Через пару минут мы втроём бежим за ворота, время поджимает. Нам с Димкой повезло и маршрутное такси на центр Сормово сразу подошло. Залетели вовнутрь, а Сашка остался на остановке. К нему подошёл какой-то странный тип, но наши двери закрылись и автобус тронулся, оставив моего друга одного...

Утром, на перемене между парами, я подхожу в Сашке, видя его испуганное и удручённое лицо:

- Ты чего такой, Санёк? Дома что случилось? – зная, как комсорг и потому интересуясь жизнью своих ребят, что он с мамой живёт в частном деревянном доме без удобств.

Он покраснел и после некоторой паузы решил мне рассказать, что приключилось, когда мы с Димкой уехали...

- Курсантик, - увидев одну «соплю» на рукаве шинели молодого парня, к Саньку подошёл здоровый добродушный типок, улыбающийся во все тридцать два белых зуба, - можно вопросик?

- Да, - испугался незнакомца он.
- А ты мультики любишь? Чебурашку, например?
- Да так, вроде вырос из того возраста, - голос вовсе подсел и Санька шарит испуганными глазами по площади, в надежде увидеть хоть одно знакомое лицо в чёрной шинели,

чувствуя какой-то подвох.

- А хочешь живьём увидеть сейчас? – улыбка парня расплылась шире некуда, психолог, блин.

- Не... у меня... автобус будет сейчас... мне домой... срочно надо, мама болеет, - начал, заикаясь, не задумываясь, врать мой друг, ещё больше испугавшись.

Как назло, на площади после отхода двух автобусов, осталось очень мало народу и те рассосались по сгрудившимся рядом ларькам.

- Да не бойсь, малец, моряк ребёнка не обидит, - добродушно обнял Санька парень, явно шире плечами и выше на голову.

- Да ты чего пристал? – голос совсем подсел, а ватные ноги сами плетутся за парнем под воздействием сильной руки на плече.

Через пару минут они обошли ларьки площади и оказались в тёмном, еле подсвеченном единственным тусклым фонарём, проулочке. Жизнь города приглушённо издавала свои повседневные звуки где-то в стороне и главное, ни одного человека рядом.

- Чебурашка, покажись! – слегка повысил голос парень, не отпуская рукой Сашкино плечо.

В это время из-за гаража вышла девушка, которую при таком свете еле смог разглядеть первокурсник. Тёмная коротенькая шубка закрывала добрую часть тела и Санёк сумел увидеть только слегка подкрашенное смазливое личико,

пухлые накрашенные губки и короткие, под каре, тёмные волосы.

- Чебурашка, вот товарищ курсант интересуется, какой ты в жизни? Покажись.

Сашка так и обомлел, когда девушка распахнула шубку и его взору предстало абсолютно голое бледноватое тело, симпатичная высокая грудь с тёмными пятнышками сосков и пучок тёмных же волос между ног...

- Ты знаешь, я никогда раньше женщин голых не видел... такая красивая, что у меня челюсть отвисла и я стоял в растерянности. А он через несколько секунд или минут, уже и не знаю, сказал ей закрыться и она ушла туда, откуда появилась.

Сашкины глаза горят огнём, парень впервые увидел голое женское тело, да ещё молодое и красивое. Я прекрасно понял его чувство стыда за свою трусость, хотя, может, это просто сработал инстинкт самосохранения. И чувство восторга одновременно, от увиденного в первый раз. Он так зажигательно повествует, но с такой грустной интонацией и жалостью в голосе, что мне самому захотелось увидеть Чебурашку. Да, пятнадцать лет, пятнадцать лет, мечты о светлом и высоком.

Санёк вернул меня в действительность:

- А когда она ушла, он спросил, видел, мол, Чебурашку? Я машинально кивнул. А он отвечает, плати за просмотр. Я, конечно, начал упираться, мол, первокурсник, денег нет. А он в ответ, что у вас сегодня стипендию раздавали. Понима-

ешь, знает, гад, об этом! Раскошеливайся, говорит, и из-за другого гаража вышли два амбала. Что мне оставалось делать? Я вытащил кошелёк мамкин и открыл... Они мне только на электричку сорок копеек и оставили.

- Да, Санёк, попал ты, - вздохнул я от услышанного, - вот если бы мы с Димкой не уехали, ничего бы не было, - и треснул кулаком об свою же ладонь.

- Да, ладно, хоть, не избили и то спасибо. Ты же знаешь, как в городе нашу форму не любят... Мамку жалко, я обещал ей купить подарок на день рождения с этой стипендии, - пришла очередь вздохнуть Сашке...

С каждым новым днём и новым вечерним увольнением, с каждым подобным случаем мы, первокурсники, познаём и познаём жизнь большого светлого тёплого и одновременно коварного города. Познаём его грязные закоулки и тёмные делишки, его второе «я» по отношению к нам, молодым здоровым весёлым и задорным парням в форме курсантов знаменитого речного училища. Парням от пятнадцати до девятнадцати лет, выигравшим на отборочном конкурсе право учиться в нём. Наша чёрная форма и прельщает всё новых и новых пацанов поступить в речное училище и братство речного флота, всё больше и больше новых девчонок хотят с нами познакомиться и ходят на наши вечеринки. Но и всё больше находит желающих побить нас поодиночке, где-нибудь в тёмной подворотне или сквере, в парке или на катке, куда мы ходим только в форме. Иного нам не разрешает строгая воен-

ная дисциплина. Поэтому мы и гуляем по городу по несколько человек, не давая друг друга в обиду, помогая выкрутиться из щекотливых ситуаций. Жизнь каждую минуту, каждый час и день учит нас преданной курсантской дружбе и твёрдому плечу ближнего. Мы растём и умнеем, как на дрожжах. Таковы реалии большого города любой страны мира, Горький начала восьмидесятых не исключение...

КТО НА ПОВЫШЕНИЕ, А КТО НА ОТЧИСЛЕНИЕ

Первый курс в любом учебном заведении и в любое время жизни остаётся самым трудным, самым тяжёлым для всякого физически здорового и умственно грамотно подготовленного организма. Это, словно испытание на прочность, на выносливость, на восприимчивость всего, отличительного от домашней спокойной и размеренной жизни под крылом у папы и мамы, с любовью бабушек и дедушек, старших братьев и сестер. Первый курс – это всё!..

А уж первая сессия вообще, аут! Практически первый серьёзный отсев курсантов и студентов, выбравших не ту дорогу жизни или не понявших всей её сущности. Нагрузки, по сравнению со школой, адские и нечеловеческие. Так хорошо ещё студенту, отучился и домой, к маме и папе, бабушке и дедушке. А у нас, в строй, шагом марш в дом курсанта и на самоподготовку, распорядок выполнять, строевые и тому подобное...

В школе я особо не отличался в изучении точных наук, особенно в математике. Учительница алгебры и геометрии Евгения Георгиевна Шляпугина дала мне прозвище «великий путаник», зная, как я витиевато и пространно мог излагать теоремы и аксиомы, в конце концов, не приведя их к общему знаменателю в ответе. Но, после восьмого класса уходил в речное училище, и на экзамене по математике она мне помогла получить четвёрку, подсказав ответы на задания. Благодаря ей и активной работе с другими учениками моей мамы, в школьном аттестате о восьмилетнем образовании у меня не стоит ни одной тройки. А здесь...

- Я делю класс на две категории курсантов! – строго громко чётко и по-военному лаконично начинает первый урок математики Юхлова Александра Ивановна, высокая женщина в офицерской форме, при очках и тёмных кудрявых коротких волосах.

Первые же фразы повергают всех нас в шок, такая не даст ни списывать, ни подсказывать, ни лишний раз пошевелиться. Попал! Не то, что моя Евгения Георгиевна.

- На первом же уроке я проведу пятнадцатиминутный экспресс-тест на знания вами азов математики уровня восьмого класса. После этого расскажу так, что правый от меня ряд будут отличники, второй и третий ряды посредственные математики. По мере изучения ваших знаний буду пересаживать. Списываний не потерплю и не допущу, сразу буду ставить неудовлетворительно, - вот так, как и предполагалось.

Александра Ивановна быстрым шагом ходит между рядами раздаёт по половинке листочка. Всё чётко, строго, ни шага лишнего, ни движения женственного...

Как ни странно, и после первого урока, и во все последующие у вашего покорного слуги выявлены тяга и сильные знания математики. Удивлён?! Не то слово, сам в шоке! Видимо, школа Евгении Георгиевны дала знать о себе. Спасибо...

Декабрь подходит к своей холодной ветреной и достаточно снежной середине. Всё больше и больше слышатся разговоры командира роты со старшинами и составляются да корректируются длинные списки провинившихся курсантов, которым предстоит дежурить и дневалить на новогодние праздники. Мы налегаем на учёбу и подравниваем дисциплину, улучшаем личные и общие показатели групп и роты, скоро зимняя сессия. Время «ч» для многих из нас, коих выявляется немалое число. Одни не хотят жить «по струнке» и тянут назад показатели группы, срывая глупостями школьной поры уроки и нарушая дисциплину. Другие всё ещё думают, что учёба здесь халявная, на всём государственном и не понимают, что за каждую провинность заносятся в тот самый пресловутый «чёрный список». Чего только стоит многим тихушное курение и, в последствие, лишение стипендии и очередной «минус» в табличке так называемого рейтинга, пока невидимого для глаз. Третьи просто не тянут лямку курсантской строгой жизни и физически, и умственно. Поступали на отделение, где конкурс был небольшим и добира-

ли к нам откровенных «круглых троечников». Вот они и выявляются, изучаемые сегодня предметы все следуют в продолжение школьной программы.

Так и набирается контингент на вылет...

Есть у нас и те, и другие, и третьи, но понимающие свою сущность, видящие своё будущее на речном флоте и старающиеся изо всех сил выбраться с честью из такого положения. Более сильные курсанты им помогают, понимая, что такой парень хочет здесь учиться и поможет нам в будущем, его надо вытянуть. Братство, одним словом, «один за всех, все за одного». Есть такая позиция...

Вовка Миронов, мой друг, как раз из категории тех, кто немного недопонимает некоторые общеобразовательные науки. Пишет на русском языке и литературе красиво да с кучей ошибок, может за сочинение схлопотать «четыре дробь два». Решает на математике медленно да неточно, всё между тройкой и четвёркой. Необходимо ему помочь и подсказывать, проверить сочинение и проконтролировать на диктанте. Друг же, потомственный речник, как без таких наш флот, он нужен будет потом да и просто любит и знает реку и речное ремесло, как свои пять пальцев. Придёт ещё его время, покажет себя мой Вовка, а пока помогаю решить ему математику перед экзаменом...

Первую сессию мы сдаём сразу после новогодних праздников, которые прошли, словно один счастливый долгий день, на который я попал домой. Новый, 1983 год, ваш по-

корный слуга встретил в компании бывших одноклассников вместе с Олей, ученицей девятого класса. Она так расцвела за последние полгода, что я не могу ею налюбоваться. Подросла, что ли? Только вчера была маленькой щупленькой, вровень со мной ростом, с едва выпуклой детской грудью, любимыми мною во все времена ямочками на щеках, тонкими косичками и серенькими глазками, девчонкой. А сегодня! Девушка, да и только, шестнадцать лет против моих пока пятнадцати. Совсем иная причёска, другой блеск красивых глаз и фигурка слегка округлилась с боков и спереди. Загляденье! Роста, правда, я стал повыше. За полгода, благодаря большому количеству часов физкультуры и строевым подготовкам, я вытянулся на семь сантиметров и чувствую себя увереннее с Олей...

Слава Богу, не сбылись слова мамы в седьмом классе, когда она поймала меня с курением и строго сказала, прямо-таки, прокричала:

- Вот, Оля твоя лыжами и бегом занимается, вырастит и станет выше тебя! А ты куришь и не вырастешь! Будешь ниже её ростом и она тебя, коротышку, бросит.

Слова, сказанные мамой в сердцах, потому, что, даже, порка пряжкой папиного солдатского ремня по моему мягкому месту, не действовала. Да и что я мог понять в тринадцать лет, а как её слова меня тогда зацепили. Ух, как зацепили! После того случая я сигарет в рот не брал да и сейчас не хочется...

Отвлёкся, извините...

- Курсант Климов, за экзамен ставлю вам «отлично», - беря со стола экзаменационный лист группы «11-ВП», сама серьёзность Александра Ивановна и ставит цифру 5 напротив моей фамилии.

Она-то серьёзная, а мне, выйдя из класса, хочется прыгать до потолка! Хочется кричать «ура»!!! Неужели и я могу так решать и так познавать теоремы? Неужели у меня получилось? Насколько это меня огорошило и я в очередной раз вспомнил Евгению Георгиевну Шляпугину и мысленно сказал ей доброе и искренне «спасибо» за данные мне знания. Я помню и сегодня мою учительницу математики и моё прозвище «великий путаник». Заложенное ею так и будет жить во мне, ведь, «математика – гимнастика ума». Это изречение кого-то из великих мыслителей висело крупными буквами в школьном классе. Пусть и дальше висит, может, так же кого-то приведёт к его вершинам познаний...

Математика стала последним экзаменом первой зимней сессии в речном училище, по итогам которой сразу шесть человек поехали домой за неуспеваемость. Шесть парней упаковали чемоданы на зимние каникулы и не вернулись из своих деревень и городов.

Я же по окончании сессии с четырьмя экзаменами и несколькими зачётами оказался в отличниках и с февраля месяца стал получать повышенную стипендию, выразившуюся ни много ни мало в 10 рублей 35 копеек. Повышение,

которого я и не ожидал, о котором и не знал. По итогам сессии и первой половины года обучения в февральской ведомости таких курсантов группы «11-ВП» насчиталось трое. К нашим персонам появилось повышенное внимание у преподавателей и курсантов группы. Сейчас бы это назвали «ботаники», а тогда...

У ЗИМЫ ОСОБЕННАЯ СТАТЬ

- Товарищи курсанты первого курса 17-ой роты! Закончился первый семестр и первая сессия. На сегодняшний день в 11 группе три отличника, которые станут получать за это повышенную стипендию. В 12 группе таковых не выявлено. Плохо. Берите пример с товарищей по роте. Начинается второй, не менее важный, семестр и по его окончании вы поедете на первую практику, геодезическую. Поэтому прошу вас отнестись серьёзно к учёбе и дисциплине! – вступительная речь перед началом следующего семестра нашего начальника специальности, Владимира Николаевича Балясникова, лощёного и моложавого высокого мужчины, от которого во многом зависит наше будущее, слушается нами в доме курсанта, куда мы прибыли по окончании зимних каникул. – А хуже всего то, что из 12 группы и отчислено по окончании сессии больше человек, шестеро. Начинаете терять своих друзей после первого же боевого крещения экзаменами. Так и выявляется тот, кто попал сюда по ошибке, не честным

путём и с такими курсантами нашему отделению, находящемуся на хорошем счету в училище, не по пути...

После первой же сессии наша группа потеряла Володю Бозина из Казахстана и Володю Косова из Перевоза. Учёба требует жертв, которых они не смогли преподнести ради своего будущего на речном флоте. Жаль...

По совместительству Владимир Николаевич Балясников преподаёт нам эту самую геодезию, пока что первый и основной специальный предмет гидротехника и путейца на данном этапе учёбы. Кабинет его находится на самом последнем верхнем этаже учебного корпуса. Туда мы ходим с удовольствием. Просторный класс, с множеством незнакомых наглядных доселе пособий, и на большой свободной от парт площади на треногах стоят геодезические приборы: теодолиты, нивелиры и гониометры. Стены разлинованы в виде красно-чёрных измерительных реек, по которым мы изучаем и измеряем рельефы местности...

Честно сказать, когда мне объявили в приёмной комиссии, что я могу без экзаменов поступить на отделение «Водные пути сообщения», мне это ни о чём не сказало, во-общем. Какие-то земснаряды, изыскательские партии, путейские катера. Мне виделась только пассажирские белые трёхпалубники да танкера с мазутой, скоростные «Ракеты» и «Метеоры» на подводных крыльях, пыhtящие на Балахнинских мелких участках длиннющие «Волго-Доны» и иные сухогрузы. Больше я ничего не знал и на Волге никого больше не раз-

личал. Мальчишка!..

А здесь, геодезия и гидротехника, водные изыскания и судоходная обстановка, дноуглубление и выправление рек, такие незнакомые предметы и о чём только они ведают?..

Зато настоящей отдушиной стали уроки физкультуры на лыжах. Снегу навалило за новогодние праздники почти по пояс. Мы ещё с Олей во время каникул почти каждый день катались на опушку леса нашего детства и уходили на длинные дистанции, отмеченные в лесном массиве разной краской на деревьях. Проложенные тренерами и участниками заводской команды лыжников маршрутами мы с удовольствием преодолевали вдвоём, не забывая кидаться снегом и падать в сугробы, нежно и по-юношески целуясь. А потом на санках на той же опушке летали с горки с воплями и криками, смехом и закапыванием друг друга в сугробы. Счастливо и весело проводили время...

- Сегодня мы идём вниз, к воложке Куропатке, просматривать, кто и как умеет ходить на лыжах, - преподаватель физкультуры, невысокого роста и довольного крепкого телосложения Юрий Васильевич Серёгин, является мастером спорта по морскому многоборью, начинает первый урок зимнего периода семестра.

Мы в спортивных костюмах, лыжном обмундировании и с лыжами в руках стоим перед ним.

- Фасуляк, ты что там так долго копаешься? – вопрос к нерасторопному Володе, никак не улавливающему, каким

образом снять ботинки с лыж.

- Товарища учитель, я лыжи впервые в глаза вижу. У меня на Украине снега отродясь нема, - в своей манере говорить и с кислой физиономией Вова рассмешил всю группу.

- Будем учить, - спокойно и строго ответил Серёгин, - все на выход. Урок начался.

Какое там шикарное раздолье, всего за сто шагов от дома курсанта к реке, мы спускаемся по дорожке. Перед нами открывается вид на заречную сторону, утопающую в снегу. Там, на левом берегу Волги, насколько видно глазу в яркую солнечную погоду, сплошные белые поля, деревья и дома в белых пуховых шапках. Затон Борского судостроительного завода, приютивший десятки речных судов, покоящихся борт о борт до самого весеннего ледохода, вскидывает вверх, в небеса, клювы порталных и плавающих кранов. Пройдя спуск и правый поворот дороги, уже на нашем берегу, открывается вид на церковь с огороженной территорией. За сплошной овальной стеной красного кирпича разлинованы гравийные беговые дорожки, где мы осенью сдавали летние нормативы по физкультуре. Церковь недействующая и в ней никого не видно. Ниже лыжные трассы, огороженные флажками разных цветов.

- Одеть лыжи! – Юрий Васильевич достаёт свой блокнот и секундомер. – Бежим по красным флажкам, кто как может. Не торопимся и не ломаем государственное имущество. Трасса километр, я засекаю время. Старт!

Мы начали движение, а наш бедолага Фасуляк теперь никак не обует лыжи, не попадая дырками ботинок в шипы. Ох, страдаемся мы от такого горе лыжника!..

- Молодцы! Первые пятнадцать человек уложились в первый юношеский норматив, ещё десяток в третий. А где наш Фасуляк? – поинтересовался Юрий Васильевич.

- Он уже успел лыжи сломать и бредёт по лыжне, утопая в снегу, - отрапортовал дежурный на сегодня помощник старшины группы Димка Меняшкин, высоченный ушастый парень, с первого дня получивший кличку «слон», тоже, к слову, потомственный речник, у которого дяди и отец работают на пассажирском флоте.

- Ясно, - только и вздохнул Серёгин, - будем ждать.

Нас уже начал пробирать холодок и вольный ветер, разгул которого на большой открытой местности очень заметен, когда весь в поту и с обломками обоих лыж приковывал Володя Фасуляк, на последних полукилометрах дистанции испортивший только недавно проложенную лыжню.

- Да, курсант Фасуляк. А как вы нормативы будете сдавать?

- А шо их сдавать? Никак... Не умею я на них ездить... - обиженный голос украинца только раззадорил нас и весь строй залился неподдельным смехом.

Почин есть, продолжение точно не замедлит ждать, Володя Фасуляк, чудом удержавшийся в училище со своими тройками почти по всем предметам, будет по всем показате-

лям тянуть нас назад. Да...

В высокую и скользкую горку, с лыжами в руках, мы поднимаемся довольными свежим воздухом и зарядом бодрости на весь начинающийся день. Щёки горят огнём от ветра и холода, глаза горят тем же огнём от просторов нашей жизни, только Володя слегка расстроил, придётся ему платить за сломанные лыжи. Бедный, после каждого такого урока он будет подсчитывать убытки своего дырявого кармана...

- Рота, объявляю наряд на следующие сутки! – Серёга Лисин громко и чётко называет фамилии курсантов первого курса, которым предстоит стоять в наряде от нашей роты, пропустив уроки в училище.

Назвали в том числе и мою фамилию, ранее редко звучавшую в такой обязанности каждого обучающегося.

- Миронов, Акифьев и Климов идут на камбуз, - звучит окончание вердикта и мне сразу вспомнились рассказы пацанов, приходящих далеко за полночь с камбуза, измождённых тяжёлым ручным трудом, но сытых и довольных тем, что пробовали домашнюю пищу...

НАРЯД В УДОВОЛЬСТВИЕ

Мы сидим на вечерней самоподготовке после ужина, занимаемся выполнением домашнего задания, как входит дневальный:

- Кто назначен в наряд по камбузу? Выходите из класса в

коридор!

- Началось, - бурчит Санька Акифьев, только начавший очередному отстающему помогать по математике, - дальше ты сам, я пошёл тебе картошку чистить, - улыбнулся и мы все вышли.

- Я представляю себе, начистить пару кастрюль картошки на всё училище, - тихо говорю я, шагая по длинным коридорам, соединяющим два корпуса дома курсанта, а пищеблок во втором корпусе.

- Курсанты от 17 роты в наряд на камбуз прибыли! – громкое и звонкое эхо в большом тёмном и почти пустом зале столовой, словно в пещере.

- Идите сюда! – отозвался повар в белой одежде, выглядывая из светлого окна раздачи пищи.

Мы прошли через боковые двери и оказались в тёплом помещении камбуза. Огромные кастрюли и вёдра, холщовые мешки с овощами и бумажные с продуктами, пакеты со всякими приятно пахнущими вкусностями повсюду. Аромат из бурлящих на плитах кастрюль моментально выявил внутри растущего молодого и вечно голодного организма слюноотделяющий рефлекс, как страшно захотелось кушать. А здесь, посередине камбуза, стоит мешок с картошкой, которую заготавливают в ближайшем совхозе второкурсники и несколько курсантов из других рот ножами для масла её усердно чистят, бросая в огромный чан с водой. Горы кожуры валяются на полу и в мешках с отходами.

- Присоединяйтесь, не стесняйтесь. Нам надо весь мешок перечистить. Награда ищущим – жареная картоха на сале, полная большая сковорода, - широко улыбнувшись, то ли пошутил, то ли сказал серьёзно главный ночной повар.

- Ну, что, приступим, - Вовка взял нож и уселся рядом, - поехали...

Руки заняли на первом часе такой работы. Ножи век никто не точил и кожура поддаётся с трудом да и слишком толстая получается. Дома бы такую работу да остреньким ножичком мигом забацал, а тут! Да и объёмчики, скажу я вам! Неужели мы столько съедим?! А подумав, конечно, съедим, все же учиться собрались, ни много ни мало, тысячи полторы молодых здоровых организмов, тратящих ежеминутно свои юные умственные и физические клетки при постижении науки речного ремесла. Картошка не мясо, калорий мало, а объём в животе должна занять полностью, что бы не урчало. А уже урчит, словно тот кипящий на плите котёл со щами на завтра!

От костяной ручки ножа между пальцами скоро появились мозоли, пальцы покраснели от воды и напряжения, спать от монотонной работы хочется неимоверно, уже за полночь перевалило. Благо, что повар утомный попался и травит нам взрослые анекдоты, похоже, знает, чем курсанта ото сна отвлечь. Хорошо, что утром не на учёбу, поспать, может, дадут. Хотя, вряд ли, «старики» заставят за них кубрики драить и галюны их, кровати заправлять да конспекты

переписывать прогулявшим уроки. Так всегда, дедовщина, да и только!..

- Ребята, ещё лук надо почистить. Вон ту всю сетку, - кивает на стоящую в углу сетку с луком повар.

- Я не могу, - почти в голос запричитали несколько человек, - слёзы сразу текут, ничего не видно.

Я вспомнил, как всегда удивлялась моя мама, когда её сын сиделся чистить лук, говоря, что у меня бабушкины корни. Она никогда не плачет, чистив лук, хоть, сколько ей дай.

- Давайте, я почищу, у меня слёзы не бегут, - поднимаюсь и иду в дальний угол чистить.

- Ты чего, серьёзно? Всё один почишишь? – встрепнулся повар, видимо, закосив под курсантов. – У меня тоже слёзы текут.

- Да, почищу, я всегда дома этим занимаюсь, - и принялся кидать луковицы в кастрюлю с холодной водой, помня бабушкины слова, что надо почаще макать в эту воду нож...

Пацаны только косятся в мою сторону, недоумевая, почему у меня не текут слёзы и продолжают набивать чищенной картошкой очередной огромный чан с водой. Часам к двум ночи мы закончили всю ручную работу для варева, когда повар позвал к столу. По камбузу действительно, уже некоторое время витает приятный аромат жареной картошки, аромат, любимый с детства...

Приедешь на велосипеде, бывало, к бабушке Маше или бабушке Оле, у которых печки русские на дровах и торфе,

а в доме обалденный запах самого любимого, после блинов, блюда. Бабушка крутится вокруг печки и перемешивает «пятаки» или «брусочки» картошечки с золотистой корочкой и шкварками от сала. Слюнки только подбирай!..

Вот и мы, голодные и уставшие, гоняем во рту и перегла-тываем слюну, сидя за столом вокруг приличного диаметра сковороды с поджаренным шипящим лакомством, боясь приступить к задуманному поглощению ночного ужина. Белый хлеб, лук, соль и картошка – что ещё нужно голодному курсанту, ешь, не хочу, пока не отняли...

Часам к трём ночи, сытые и обессиленные от тяжёлого и одновременно приятного наряда на камбуз мы, прямо-таки, катимся по коридору в свой кубрик, где сопят и храпят молодые голодные организмы, понюхивая свои же нестиранные носки и прочие атрибуты форменной одежды. Контраст ароматов камбуза и мужского кубрика бьёт по носам объевшихся чистильщиков, но мы падаем до утра в приятный глубокий и сытый сон. Волки сегодня нам точно не приснятся, желудки не урчат жалобным стоном. Утро вечера мудренее. На такой наряд можно и проситься ходить или... ага, так тебе и дали туда часто ходить. Туда бегут бегом иногородние, а мы домой к мамам и бабушкам на пирожки ездим, тоже хорошо. А иногородние трёх зайцев убивают за такой наряд: на уроки лентяи не идут, отсыпаются днём, пока никого нет и едят ночью сытно, нахаляву, дом же далеко...

Им домашней пищи ох, как не достаёт!

А мне бы в увольнение скорей, к маме, на вкуснущую жареную картошечку, там же с хрустящими огурчиками солёными или капусткой домашней. Эх, когда уже суббота?..

Ага, суббота, в увольнение, до неё ещё далековато, а здесь посередке недели подфартило...

«СТАС, ТЫ БЕГИ НА ЭЛЕКТРИЧКУ, Я ДОГОНЮ...»

Скучновато на этом английском языке, с деревенскими пацанами возится наш преподаватель, алфавиту и счёту до десяти учит. Старшина группы, Олег Папилов, пришёл в речное училище после восьми классов элитной специальной школы с английским уклоном, что стоит недалеко, на площади Минина. Учительница увидела его на первом своём уроке, когда проводила опрос, кто и в каком объёме знает предмет, узнала, что он её бывший ученик в той самой школе, произнесла во всеуслышание:

- Курсант Папилов, можете на мои уроки не ходить, ваш уровень знаний мне знаком, не мешайте вести уроки. Я ставлю вам сразу пятёрку за все три семестра и в диплом.

- Мне нельзя не ходить, - ответил Олег, - я старшина группы, должен контролировать посещаемость и успеваемость.

- Тогда займите самую дальнюю кабинку и можете спать там. Я разрешаю.

- Хорошо, - и старшина занял угловую индивидуальную кабинку кабинета иностранных языков, надел наушники и

отключился от учебного процесса.

А Вовка Бозин на том же самом уроке откровенно сказал:

- У нас в далёком казахском ауле не то, что английского не слышали, по-русски говорит только несколько человек. Я ни алфавита, ни счёта не знаю.

- Вот с такими курсантами я и буду заниматься первый семестр, - резюмировала учительница, уж извините, человек она была приходящий, не постоянный работник училища и имени отчества я не запомнил, - кто ещё хорошо знает язык?

Руку подняли человека три, у кого хорошие знания, и я в том числе, помня уроки нашей школьной учительницы английского Алевтины Павловны Дмитриковой, которой я тоже буду благодарен за будущую... всё потом, потом...

Но нас она отпустить не решилась и мы просто занимались другими предметами, сидя тихо в кабинках, иногда отвечая на её вопросы по-английски...

Ох и скукота, продолжающаяся и во втором семестре. Володьку Бозина и Володьку Косова отчислили после новогодних праздников, да остались ещё несколько ребят, которых учительница дотягивает до, хотя бы, среднего уровня. Борька Бурдюк да Сенька Румянцев те ещё кинешемские тугодумы, что диву даёшься их уму-разуму. Ну и ладно, итоговая за первый семестр пятёрка в рапортичке стоит, и то хорошо. Так и дальше надо держать.

Наконец-то звонок на перемену, бежим на обед в столовую, в подвал учебного корпуса. Бежим, словно не ели года

два! Конечно, первая же пара физкультура на лыжах пробежала свежим воздухом и нагрузками. Сдавали норму на три километра, где наш Фасуляк еле один километр прополз и то умудрился с одной сломанной лыжей вернуться. Эх, Вовка, Вовка!..

- Стас, стой! – Димка Трусов, земля с третьего курса нашей роты, останавливает меня на бегу, хватая за рукав суконной фланки.

- Димка! Я голодный останусь! – пытаюсь перекрычать бегающую по лестнице толпу оголтелых «односоплистов».

- Стой! У меня друган из группы остался в роте, накормлю его пайком, стой! - он пуще прежнего держит рукав, что бы толпа не смела меня с лестницы вниз, весело улыбаясь в свои усики.

- Точно? – и когда он кивнул, улыбаясь, продолжил, - ты чего хотел?

- Домой сегодня хочешь съездить с ночевой? А то мне скучно одному.

- Так вторник только.

- Пашка Горяинов дежурный по роте, скажу, выпишет тебе увольнительную со мной. Смоляну причину придумаем, «деда» сегодня не будет, приболел старый, - и он расплылся в обескураживающей улыбке, прекрасно понимая, что от лишней поездки к маме я не откажусь, помня недавний наряд на камбуз и хруст жареной картошки...

Пашка Горяинов, весёлый деревенский парень откуда-то

с юга Горьковской области, с классными чёрными усиками и выразительными чёрными глазами, как у казака, залихватский рассказчик анекдотов и деревенских баек, всегда хорошо ко мне относится. А с Димкой они дружат с первого курса, как мы с моим Вовкой. Они познакомились, когда в день заезда в дом курсанта попали на соседние койки. Так и ездят на практику вместе, везде и каждый год, да и на учёбе почти не расстаются...

На том и порешили, я махнул головой в знак согласия и мы спокойно пошли в отведённое для выдачи дополнительного пайка курсантам место. Его дают после второй пары, на самой большой перемене тем группам, у кого в этот день четыре пары уроков. Голодным я не остался, Димка не обманул. Да и вообще он опекает меня постоянно, в обиду своим третьекурсникам не даёт, в город одного не пускает, понимая, что мне и шестнадцати нет, а город наш такая противная штука. Много он мне рассказывает историй с драками и тяжёлыми исходами со стороны гражданских парней и со стороны курсантов...

- Помчались на автобус, через сорок минут электричка на Заволжье с Московского вокзала, успеваем! – Димка взял из Пашкиных рук две увольнительные до девяти утра, означающие, что можно сразу из дома в учебный корпус приехать...

Темнота и серость слякотного вечера начала весны не смогла раствориться, даже, в ярких огнях большого железнодорожного вокзала, куда, запыхавшись, мы прибежали за

десять минут до отправления нашей электрички. Тёмный же угол пристройки пригородного вокзала части большого здания вообще предстал перед нами чем-то мрачным и тихим, словно тупиковый проулок в старом городе, без огней и людей. Табло расписания едва высвечивается желтоватой подсветкой, а в зале касс совсем мало народу. Основная масса уже по вагонам, кто-то со стороны Московского шоссе пришёл, кто-то, а это ежедневно катающиеся домой студенты, с проездными прямо в вагоны бегут. Как-то слегка стало не по себе и я крепче сжал ручку пластмассового «дипломата». Димка решил не покупать билеты, проехать «зайцами» и только уточняет платформу и путь, задрав голову к расписанию.

Вдруг, из-за тёмного угла здания вальяжно вышли несколько ребят в гражданке и начали медленно подходить к нам с, явно, недобрыми намерениями, о чём свидетельствовали ехидные ухмылки на лицах.

- Ну, что, курсантики, на билетик не одолжите? А то мамка дома заждалась, а ехать не на что, - начал один, видимо, главный и выдвинулся вперёд, почти вплотную к Димке.

- Парни, мы сами хотим «зайцами» ехать. Нет денег, да и торопимся мы, - он машинально оттолкнул меня от себя, прикрывая спиной.

Парню, похоже, того и надо:

- Ах, вот как, а мы народный контроль, вот и проверим по карманам, купил ли ты билетик и есть ли у тебя денежки.

Он сделал ещё шаг вперёд, как Димка тут же спокойно произнёс, сделав пол-оборота головы ко мне:

- Стас, беги на электричку. Возьми мою папку и беги, я догоню.

- Димка... - испуганным голосом произнёс я, двумя руками прижав к шинели «дипломат» и его папку с тетрадями, - я без тебя не пойду...

- Беги на электричку!!! – во весь голос заорал друг. – Кому сказал!!! Опоздаешь!!!

Пауза...

Соображаю...

Боюсь и Димке помочь хочется...

Но услышав совсем уж грозное и низко шипящее со стороны парней:

- Пацан, беги, беги, мы тут потолкуем со старшим товарищем, - я двинулся с места.

Попятился назад и никто из троих парней мне не препятствует. Со всех ног, путаясь в полах длинной шинели, я ло-манулся за стеклянную дверь тоннеля и исчез в чреве, через две ступеньки прыгая вниз. Пару минут мне хватило, что бы с испуганным лицом вбежать в вагон стоящей на последнем пути электрички. В вагоне сидит много народу, но места свободные ещё зияют коричневыми «дырами» на деревянных скамейках. Переведя дух, я гоняю мысли, что может быть с Димкой, как вдруг он, громко распахнув двери на рельсах, с возбуждённым, слегка побитым, но довольным, лицом, вле-

тел в вагон и наружные дверцы со словами диктора «Осторожно, двери закрываются, электропоезд следует до станции Заволжье со всеми остановками» с шипом замкнулись...

- Я краем глаза увидел, что ты исчез за дверью, успокоился, что ты в безопасности и лихо расстегнул ремень с шинели! Руки свободны и можно дать волю силе! Намотал его на правую руку, как мы делаем во время драки и приготовился отбиваться! – Димка взхлёб, перегоняя свои же слова, повествует мне произошедшее. – Они не успели опомниться, а когда окружили меня, я уже был готов махать им, как нунчаками!

- И что? – расширил я глаза.

- Один успел-таки садануть в глаз мне! Завтра синяк будет! Смолян пи... даст! А потом пошла моя смена! Здесь главное, не дать подойти им на длину вытянутой руки, что бы не зацепили! Ремень же длинней руки, всяко! Один сразу получил пряжкой по уху, а другой по руке, когда занёс ещё раз кулак! Оба скорчились и завопили от боли! – Димка, явно, в эйфории от своей проделки и возбуждённо поправляет ремень на шинели.

- А их же трое было?

- А тот, вообще, решил ноги сделать, так я его пинком с ног этих и сбил. А потом ещё и напоял! – глаза друга горят неподдельным боевым огнём, усы топорщатся и лицо разгорячённое. – Которому по уху съездил, тот держится за него руками и орёт во всё горло! А второй за руку хватаясь,

хотел тоже подняться и собрался бежать! Хотел я ему наподдать да тут объявили отход электрички и я умчался!

- А чего они хотели? – не унимался я, переваривая Димкин рассказ.

- Я же тебе рассказывал, что не любят они нас, «кулибинцев», вот и приходится защищать честь училища! Учись, пока я жив! – и он обнял меня, довольный своей «работой»...

То-то завтра ещё краше друзьям в группе разрисует свои похождения. Да и пусть, заслужил, нечего троим на одного зариться! Любит Димка кулаки почесать, хлебом не корми! А с другой стороны, чего пристают? Получили на орехи и пусть радуются, что не сильно покалеченные ноги унесли! Димка такой, себя и меня в обиду не даёт!..

Мы с Вовкой лежим на кроватях перед отбоем и болтаем о предстоящем празднике 8 марта и длительных выходных. Он собирается ехать на Бор к сестре и бабушке, а я рассказываю ему случившееся недавно с нами на вокзале.

Он в своей манере потирает ладонь об ладонь, я уже знаю, первый признак переживания друга:

- Слушай, а ты не знал, что ли? Курсанты всегда так машутся, ремнём, - и он показывает мне, как ремень наматывается на руку, что бы не соскользнул.

А уж как пользоваться нунчаками и каков силы удар при хорошем замахе и раскачивании рукой, если правильно применить, знаю по футбольной секции, куда в начале восьмидесятых к нам пришёл тренер каратист с коричневым поя-

сом. Мы тогда все тренировки начинали с разминки каратистов под его счёт на китайском языке. Помню это прекрасно. Буду теперь знать, что и ремень хорошая защита, главное не подпускать на длину вытянутой руки противника. Блин, сколько ещё предстоит всего такого испытать на долгом пути учения и увольнительных...

А пока...

За окном начала съедать белоснежные мягкие и толстые сугробы проказница весна. Она с тёплым ветерком пришла в наши края легко и красиво, пригрела солнечно и улыбочиво, размахнулась на природу размашисто и задорно, белозубо улыбаясь прекрасному дню и приятному вечеру. Ночки становятся теплее и короче, деньки жарче и длиннее.

Единственное, что омрачило приход весны, так это...

- Стас, дедушка Коля умер, - мама со слезами на покрасневших глазах встретила меня на пороге квартиры, сжимая в как-то разом слегка сморщившейся и постаревшей ладони, мокрый смятый цветастый носовой платочек, - сейчас поедem к бабушке...

Сегодня, по истечении многих лет, я с грустью и сожалением могу констатировать нелицеприятный для себя факт, что именно похороны любимого моего дедушки Коли, научившего своего первого внука многому и многое рассказавшего про нашу нелёгкую жизнь, да и то, что происходило после похорон, я совершенно не помню. Напрягая свою достаточно хорошую память, я всё равно ничего не вспом-

нил, пока мама и сестрёнка мне не рассказали о тех тяжёлых днях солнечного марта. А их рассказ мне не хочется пересказывать, это же не из моих закромов, не с моих полочек головного мозга, пусть так и останется на моей совести. Просто ушёл из жизни любимый человек, оставивший после себя много приятных моментов, некогда подаренных самых дорогих сердцу подарков и навыков для взрослой жизни. Просто в конце марта 1983 года ушёл в мир иной ОН...

Видимо, так суждено было сложиться пазлам времени, и тогда, в возрасте почти шестнадцати лет, речное училище и всё, что со мной происходило в его стенах и вне их поглощало меня больше и больше отнимало сил и времени, нежели...

Бог мне судья, раз так получилось, ведь, меньше любить его, моего доброго, умного и ласкового дедушку Колю я не стал. Меньше помнить приятных и курьёзных моментов, произошедших с нами в «золотые детства блики...», уютно и комфортно расположившихся в клеточках мозга, не буду...

Не стало...

Не буду...

А за окном...

БЕЗ ШИНЕЛИ ЛЕГЧЕ И КОМФОРТНЕЕ

- У нас практика начинается, последняя перед выпуском и госэкзаменами, - Димка стоит с сумкой через плечо и прощается со мной до осени, – не давай себя в обиду, зёма...

Весна рьяно и напористо вошла в свои законные права начинателя приятного солнечного тепла и совсем недавно мы скинули зимнюю форму одежды, перейдя на синие суконные фланки и фуражки с «огурцами». Я так и хожу с постиранным мамой курсантским билетом и пока никто не знает, что в нём красуется одна моя лысая физиономия. Нет, обманываю, Вовка помараковал однажды над ним и кое-как восстановил по размытому «экрану» некоторые надписи. Да не это главное! Главное, что нас чаще отпускают по домам, давая возможность помогать родителям в огородах и садах. А у меня ещё и сестрёнка...

- Стас, надо Свете завтра помочь, - только ступил на порог, приехав на неделе в увольнение, мама тут же с просьбой.

- Что случилось?

- У Светы скоро защита диплома и завтра ей в техникум надо взять четыре чертежа большого формата. Она специально всю ночь шила огромный чехол из брезента с ляжкой через плечо. Да только и я не могу его, набитый чертежами, поднять. Ты уж помоги сестре.

- А на какой электричке она поедет? Мне на шесть двадцать восемь надо.

- Она, по-моему, на пять семнадцать.

Я только присвистнул, какая рань, да, что поделаешь, надо сестрёнке помогать. Через пару месяцев закончит техникум и куда-нибудь уедет по распределению. А там и помощь наша будет не нужна. Выйдет замуж за своего Витю, что два года

из армии писал ей письма и тью-тью, сестру мы потеряли.

- А она сама-то где?

- К подружке пошла прогуляться, отдохнуть от чертежей...

Света пришла домой поздно вечером и показала тот самый брезентовый чехол, набитый чертежами самого большого формата, стоящий наготове в коридоре, который предстоит доставить до Горького. По весу он напомнил мне пудовую гирию да ещё плечо будет оттягивать.

- Ничего себе у тебя чертежи?

- Их в чехле всего четыре уместилось, тяжело, да? А, вообще, мне надо таких чертежей двадцать. Я их постепенно буду натягивать на рамки и возить в техникум, а там заполнять чертежами. В них больше веса деревянных рамок...

Утро выдалось приятным солнечным и тёплым. Вставание в половине пятого рановато, но ничего не поделаешь, надо ехать. Пока довезу груз до учебного корпуса Светино-го техникума и вернусь к себе, уже и мои уроки начнутся. Хорошо, что шинели мы сняли и тело посвободнее себя чувствует в тельняшке и суконной фланке, хотя, апрель в разгаре и деньки довольно жаркие для этого времени года.

Мы идём по пустынным улицам посёлка, залитым ярким приветливым утренним солнечным светом. Сестрёнка, неся свою сумку с чертёжными принадлежностями и мой «дипломат», едва поспевает за курсантскими «девяносто шагов в минуту», как говаривает «дед». Почти год учёбы не прошёл

даром и строевой шаг выработался ежедневными походами до учебного корпуса и обратно по сорок минут в один конец, да и строевые подготовки по несколько часов в день после перехода на летнюю форму одежды возобновились к майскому параду, в котором мы снова будем замыкать городскую демонстрацию. На этот раз, по словам заместителя начальника строевого отдела Касандина, мы пойдём в белых фланках и белых чехлах на фуражках. Красиво, наверное, будет. Форму летнюю совсем недавно выдавали и я залюбовался собственным портретом в ней, когда Света ушивала мне фланку по фигуре. Тельняшки нам опять выдали зимние, с начёсом и длинными рукавами, придётся спастись от жары обманкой, подшитой в виде треугольника на груди. Так посоветовали старшие ребята, не очень будет жарко, хотя, и запрещено. Строгий преподаватель начальной военной подготовки капитан третьего ранга Иван Александрович Павлов лично проверяет на соответствие Уставу ношение формы одежды, беспощадно рвёт полосатые треугольники, заставляет выпарывать красивые клинья флотских клёшей на брюках и укорачивать до стандартного вида каблуки ботинок.

- На всё про всё даю десять минут, товарищ курсант. Время пошло! – и смотрит на свои наручные часы, действительно, засекая время...

Глядя на себя в зеркало на дверце шкафа, и всплыла в памяти фотография маминого младшего брата, дяди Володи...

- Мам, а кто это? – в семейном альбоме зажата между

уголками фотография курсанта в белой фланке с гюйсом и белой фуражке на голове, стоящего перед бюстом какого-то моряка.

Восьмиклассник, пока не очень определившийся в дальнейшем будущем, я листаю мамин альбом.

- Вовка, мой брат. Дядя Володя. Что не признал? Молодой он здесь, в речном училище учится на Лядова. А сзади него памятник Герою Советского Союза матросу Николаю Вилкову, повторившему подвиг Александра Матросова, закрывшего амбразуру немецкого дота на войне.

- А можно мне поступить в это речное училище, - я бережно глажу фотографию молодого курсанта, мне очень приглянулась речная форма.

- Ты же в военное хотел?

- Сюда хочу поступить, - уверенно ткнул в фото.

Поступил...

В учебный корпус забегаю, запыхавшись, за пять минут до начала уроков. Плечи ноют от брезентового ремня чехла, дыхание сбито беготнёй за трамваем, которые переполненные курсируют по кольцу нагорной части города. Самое время начала работы на предприятиях и лекций в учебных заведениях, просто так не протиснешься в транспорт. Рядом с училищем располагаются несколько высших учебных заведений и студентов тьма, не зря же Нижегородский и Советский районы города называют студенческими. Не зря, кишки выдавливают в транспорте знатно, как будто и не завтра-

кал дома. Уже голодный желудок урчит раненым зверем, а мне ещё три часа до большой перемены терпеть. Что делать, весна, организм требует витаминов да при таких физических нагрузках...

- Стаська, а мне ещё надо четыре таких ватмана в понедельник везти из дома. Поможешь? – Света при расставании в дверях техникума спрашивает меня.

- Да, если получу увольнительную на выходные. Пока, сестрёнка, тороплюсь! - сбегая по ступенькам строительно-го техникума, обхватив двумя руками свой «дипломат», когда-то принадлежащий ей.

По-другому держать личные вещи в нашем городском транспорте по утрам и вечерам не рекомендуется, зажмут и оторвут ручку. Останешься тогда ни с чем, что и наблюдалось однажды, когда на Московском шоссе Серёгу Гладышева прямо-таки «выплюнули» из самого наполняемого 45 маршрута. «Выплюнули» с ручкой от такого же «дипломата». Через несколько секунд вдогонку вылетел и курсантский «сейф» с тетрадами. Повезло ещё Серёге...

Так и ношу по электричкам и трамваям Светины плакаты из дома в техникум, а она днём и ночью готовится к государственным экзаменам и дипломной защите, похудев за апрель и май на несколько килограмм. Занёс однажды чехол к ним в аудиторию, где группа выпускников чертит свои проекты, ахнул! Мольберты с огромными чертежами по всему залу, а между ними столики с едой и чаем, красками и карандаша-

ми, линейками и рейсшинами, ластиками и кистями. Будущие архитекторы! Мне, даже, по окончании Светой техникама, досталась в наследство такая рейсшина. Замечательная и удобная штука, скажу я вам. Я с её помощью начертил все свои чертежи в училище и потом в водном институте, курсовые проекты во время учёбы в переименованной из института академии и двенадцать чертежей дипломного проекта при его подготовке. А потом она перешла по наследству моим детям, применявшим её в школе. С ней гораздо быстрее чертятся параллельные линии, гораздо ровнее они получаются, экономия уймы времени с этой линейкой на мягких резиновых рельсах.

Всё, опять увлёкся, дальше некуда...

- Ты совсем как мужичок стал, возмужал, вытянулся, силы прибавилось и серьёзности, - Света смотрит на меня в летней белоснежной форме, трогает мускулы сквозь фланку, улыбается и делает комплимент, мы в очередной раз подвозим её чертежи до техникума.

Отгремели праздничные салюты и отгромыхали гусеницами и колёсами военной техники по мостовым улиц и площадей парады Победы. Мы снова, как и прошлой весной, только в летней белоснежной форме, прошагали по главной площади Горького, замыкая демонстрацию трудящихся Волжской столицы. А всего несколько дней назад мне исполнилось шестнадцать лет и я получил паспорт, где серьёзный пацан в пиджаке и белой рубашке смотрит с фотографии на

мир иными глазами, нежели мальчишка из далёкого детского сада. Это новая, взрослая самостоятельная жизнь...

Строй курсантов собран на плацу дома курсанта для торжественного момента окончания учебного процесса очередного года. Особо отличившихся в той самой учёбе и общественной работе поощряют перед всем училищем, вызывая перед строем. Пришла очередь и вашего покорного слуги:

- Курсант Климов Станислав, 11 группа отделения «Водные пути сообщения»! – слова Владимира Аркадьевича Банифатьева прозвучали, словно приговор, громко и чётко.

Я вышел из строя и направился в середину плаца, сверкая начищенными до зеркального блеска «утюгами», отглаженными форменными чёрными брюками и накрахмаленной летней фланкой.

- Приказом начальника училища вы награждаетесь Грамотой секретариата комсомола училища за «успешную учёбу и общественную работу комсомольского организатора 17-ой роты». Поздравляю!

Вот и первая ласточка поощрения за нагрузку, которая сначала мне показалась мизерной, и только через пару месяцев отчётности и дополнительной работы я осознал, что это такое. Держаться в тонусе весь год, не снижая планки, не так уж и легко. Но, труд дополнительный помогает в основном деле – учёбе...

За окнами белыми ароматными цветами черёмухи и сирени, яблони и груши благоухает весёлый и солнечный май. У

всех выпускников школ и студентов приближается пора весенней сессии, закрытие курсов и окончание учебных заведений. Не исключение и мы со Светой, не исключение. Оле только моей хорошо, девятый класс ни к чему не обязывает, промежуточный и экзаменов нет...

Скоро, совсем скоро, в начале июня у Светланки защита и отъезд по распределению. Откуда она возьмёт старт своего жизненного пути? Не знаю, у них распределение по итогам экзаменов и дипломного проекта и никто никому ничего пока не предлагал. Ближе к окончанию июня моя старшая сестрёнка начнёт самостоятельную жизнь и мы с мамой да с её дядей Шуриком останемся втроём...

А мне по окончании первого курса предстоит поехать за город в лагерь геодезистов, на практику. Да только надо ещё сдать экзамены второго семестра.

- А в Шаве хорошо, красиво и тихо, - вздыхает Вовка, сидя на уроке геодезии и оглядывая стоящие вокруг нас теодолиты и нивелиры.

- Откуда ты знаешь? – любопытно, поворачиваясь к другу.

- На другом берегу Волги, почти напротив Шавы, мои Работки, затон танкеров и пятиэтажки речников, - ещё пуще вздохнул мой друг, давненько не бывавший в родном посёлке, скучает по речным просторам и родителям.

Зимой туда попасть проблематично, а в период навигации из Горького ходит вниз «Метеор» до Васильурска, так толь-

ко на нём и можно. Но что там делать летом, если его родители ходят на танкере и квартира стоит пустая. На Бору, хоть, бабушка и сестра с семьёй. Давно Вовка не видел родителей, очень давно, наверное, с осени, когда они по окончании навигации приезжали к нему. Вовкин отец сразу после войны окончил наше училище и познакомился с его мамой на судне. Так и работают вместе, родив обоих деток между навигациями...

- А чего там красивого? – шепчу Вовке во время урока же.

- Речка Шавка, узкая, извилистая, глубокая и холодная. Говорят, что она из родников начало берёт, чистая и прозрачная, а луга вокруг зеленущие и холмы невысокие, - продолжает расписывать мой художник, явно, включив своё творческое мышление и воображение.

- Курсанты Климов и Миронов, разговорчики отставить! Скоро экзамен, готовьтесь к нему, пока есть время! – слегка повысил голос Владимир Николаевич, высматривая, кто не считает контрольную по геодезическим координатам.

Умеет же он обломать! Помечтать не даёт!..

КАКАЯ КРАСОТИЩА ВОКРУГ!

- Ты чего не пишешь? – перегибаюсь через парту и обращаюсь к заскучавшему, вроде, Вовке, который подпёр кулаком подбородок и смотрит на подвешенные к потолку вертикальные отвесы.

Пытаюсь помочь другу, пока Владимир Николаевич отвлёкся на вошедшего в аудиторию своего помощника по геодезии, Виктора Николаевича Приказчикова, спортивного вида средних лет лаборанта с густыми усами и ранними залысынами на голове. Он помогает преподавателю во время практических занятий курсантов с геодезическими приборами и учит нас правильно с ними обращаться, разговаривая слегка высоковатым для мужчины голосочком. Мы иногда, втихаря, смеёмся над его манерой разговаривать. Вот, если ещё и на практику с нами поедет, тогда цирк будет. А пока мы сдаём экзамен, от которого зависит, как нас распределят по группам на практике в Шаве. Во всяком случае, так обещает нам Балясников, а он главный здесь...

- Да я вспоминаю название этого отвеса... - шепчет Вовка и получает от меня ответ.

Встрепенулся, записал и потянул руку, видимо, готов.

- Что Миронов, готовы отвечать? Так хочется скорее закончить сессию? – улыбается розовыми щёчками с ямочками Владимир Николаевич...

Да, действительно, геодезия последний экзамен второй сессии и опять нашу группу будут прореживать от двоечников и недисциплинированных курсантов, от злостных курильщиков и любителей погулять в самоволках. В очередной раз...

А пока...

В автобусе раскрыты все окна, на улице июнь всей сво-

ей зелёно-жёлтой красой. Солнечные блики витают по салону, где мы сидим, с рюкзаками и сумками, вещмешками и пакетами, едем в Шаву, на геодезическую практику. Ровный асфальт трассы на Кстово и дальше, на юго-восток страны. Пролетающие мимо грузовые машины обдают нас запахами гари и копоти. Холмы перемежаются со рвами, лесные массивы по обеим сторонами дороги чередуются ровными засеянными и засаженными полями и лугами. Красота, да и только!

- Сюда мы поедem в начале второго курса, на картошку, - Вовка, сидящий рядом в обнимку с рюкзаком, кивает головой на начинающиеся зелёные полосы каких-то сельскохозяйственных культур, где быстро промелькнула на обочине табличка с названием какого-то совхоза.

И откуда он только всё это знает?

- Надо почаще в роте ночевать, - улыбается друг сквозь проступающие чёрненькие усики, - нам второкурсники зимой рассказывали, как здесь каждый год в пионерском лагере базируется десант из нашей речнухи и помогает в уборке урожая, за что и получает бесплатно овощи для столовой. Их картошку мы и чистим по ночам, и едим, - вспомнил он приятные наряды на камбуз, снова улыбаясь...

- Товарищи курсанты! Сейчас вы самостоятельно разбиваетесь на группы по восемь человек и ставите каждый себе палатку, состоящую из деревянного низа и брезентового верха! Именно столько человек умещается в одной палат-

ке военного образца! – Владимир Николаевич ходит вдоль строя курсантов 17-ой роты, объясняя правила поведения в лагере.

За нашими спинами на деревянных квадратных настилах лежат деревянные же щиты метровой высоты и свёрнутые в рулоны брезентовые палатки, которые мы привезли с собой. Это и будет наше жильё на ближайшие четыре недели геодезической практики в полевых условиях. Романтика, да и только! Прямо, как в школьные каникулы, у костра на берегу речки, звёзды и луна!..

- Абрамов, Акифьев, Платонов, Климов, Миронов, Машагин, Рогов и Горбылёв, - констатирует Вовка факт формирования нашей группы, докладывая старшине роты, который составляет списки для начальника специальности, он же руководитель практики и ответственный за всё наше пребывание здесь.

На том и порешили и у нас получилась одна из лучших групп во главе с моим другом, неплохо проявившим себя в знаниях геодезии. У него, как у курсанта с полным курсом художественной школы проявились способности к объёмному мышлению и пространственному восприятию. Он смело и почти точно определял на уроках «на глаз» многие расстояния и углы падения на предмет, что и заметил преподаватель. Другие группы тоже сформировались и мы дружно, со смехом и весельем принялись создавать себе жильё, что заняло почти весь остаток дня...

Ужин в полевых условиях на свежем воздухе оказался таким вкусным и питательным, что создалось чувство той самой рыбалки под костерок в школьные годы. День заезда прошёл насыщенно и к 22.00, под лирическое пение соловья в ближайшей берёзовой рощице, лагерь утомился здоровым юношеским сном, а преподаватели и командир роты устроили себе в полевой столовой праздничный ужин начала практики курсантов отделения «Водные пути сообщения» лета 1983 года...

- 17-ая рота, подъём! – непривычно с гулким эхом по близлежащим лугам и холмам голос старшины роты прозвучал перед самой палаткой.

Исполнение распорядка дня на практике никто не отменял и сонные курсанты, в тельняшках и хлопчатобумажных брюках, дружно вывалились из палаток, построившись перед высоким и длинным спортивным снарядам под названием «рукоход». Обязательное его прохождение после подъёма и перед каждым приёмом пищи ввёл командир роты, наш любимый Василий Степанович. Ввёл со словами:

- Курсант должен быть сильным и выносливым! Кто не силён, не проходит рукоход, в столовую не идёт!

Ага, до него ещё допрыгнуть надо и приходится залезать по трубе метра три...

А, вообще, интересное проведение летнего месяца гарантировано. Насколько до горизонта видит глаз, сплошные зелёные холмы и впадины, извилистая речка петляет между ку-

стов и тонких берёзок, дружно махающих своими тонкими веточками. Голубая прозрачная Шавка искрится от радости под солнечными лучами, наш лагерь стоит на пригорке и вид из него обалденный...

- Товарищ курсант, что задумались?! – Владимир Николаевич вышел из здания столовой, единственного капитального здания на территории лагеря.

- Красиво! – только и ответил я.

- Вот по этим холмам да оврагам и будете бегать с теодолитами и рейками весь месяц, - констатировал он факт задания на предстоящую практику.

- Здорово же! – только и нашёл, что ответить, побежав за строем на завтрак...

И почему в то время я не начал писать стихов, не понимаю. Момент был самым подходящим, творческим и свободным от учёбы и домашних забот мыслей. Самый настоящий полёт фантазии, размашистый и вольный, на свежем воздухе и на берегу замечательной тихой и красивой речушки, на зелёном покрове Матушки-Земли и в ароматах знойного юношеского лета. Не знаю...

Сочная трава с разноцветными полянами замечательных цветов. Порхающие над ними бабочки и пчёлки, ароматы пыльцы и звуки благоухающего лета. Какая здесь беготня по полям с теодолитами и планшетами, с рейками и гониометрами, отдыхать надо! Загорать и купаться, купаться и загорать!..

Насыщенные интересными заданиями дни практики плавно перетекают в вечерние посиделки в палатках с книжками и шахматами, за написанием и чтением писем из далёких домашних пенатов, от любимых и значимых в жизни курсанта людей. Под присмотром «лампочки Ильича», помогающей ориентироваться внутри брезентового купола, время коротается за расчётами на арифмометре «Феликс» координат точек и объектов. За перенесением на планшеты всего того, что наметили и запеленговали днём.

На этой практике наша группа, поселившаяся в палатке под номером 4, и сформировалась в дружную ячейку хорошистов и отличников. Мы больше узнали друг о друге, пооткровенничали о своей жизни и своих семьях, о жите и бытие в городе и деревнях, о любимых девушках и школьных подругах. Анекдоты сыплются, словно из рога изобилия, смех стоит не тише, чем в других, рядом стоящих палатках. До отбоя можно всё, что не мешает порядку и дисциплине военного учебного заведения...

По окончании первой недели наша группа вырвалась вперёд по подсчётам баллов за выполненные в установленные сроки и с хорошим качеством графические и арифметические задания. Конкурс на сообразительность и определение размеров предметов и расстояний между ними без измерительных приборов выиграл мой друг Вовка Миронов. Эти баллы тоже постепенно складываются в негласное портфолио каждого курсанта роты, кому-то прибавляя «плюсы», а

кому-то добавляя «минусы» в личный зачёт. Мы просто проходим первую в своей жизни практику и веселимся, ни о чём не ведая, а время пишет каждому из нас «историю болезни», со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Действие трудового кодекса страны никто не отменял и долгая, насыщенная беготнёй по холмам с геодезическим приборами неделя, неизменно заканчивается выходными днями. Мы можем спокойно полежать на берегу речушки, принять солнечные ванны, искупаться в ней и позагорать. Растраченные на неделе силы восстанавливаются хорошим отдыхом, с которым мы получаем колоссальное удовольствие от прохладной чистой голубой водички маленькой речки, от её быстрых потоков, обволакивающих распростёртое на поверхности тело. Здорово!...

Четыре недели, как один яркий тёплый летний день, пролетели и подошёл момент подведения общих итогов, по которым Вовкина группа устойчиво занимает первое место. Сам Вовка в индивидуальном зачёте получает отличную оценку за практику и грамоту от начальника специальности. Хорошие навыки на будущее получили мы здесь, на просторах зеленых лугов Кстовского района. Практически мы немного приблизились к освоению своей будущей профессии, ведь, по окончании геодезической практики каждый из нас, успешно её прошедший, мог получить документ геодезиста-топографа...

- С завтрашнего дня у вас начинается летний отпуск, кото-

рый продлится до 30 августа. Сбор в доме курсанта в предпоследний день лета, - Василий Степанович ходит вдоль строя курсантов 17-ой роты, стоящих с вещами, перед отъездом по домам.

Возмужавшие и загоревшие за время получения навыков гребли на ялах по воложке Куропатке и геодезической практики в Шаве, мы стали старше на целый год. Изрядно поредела рота за две сессии, потеряв с десяток ребят. Оставшиеся же должны уяснить себе, что учёба в знаменитом на всю страну и престижном речном училище не просто прогулка с девушкой по парку, а дорога в будущее. Светлое или тёмное, решать именно ему – курсанту. Дальше будет труднее, но интереснее. Жизнь продолжается.

- Разойтись! Приятного вам отдыха, товарищи курсанты второго курса! – последнее напутствие «деда», который больше не будет нашим командиром роты...

Он взял «пол козырёк», настоящий морской «волк», настоящий «батя» для своих «сыновей»...

Остальное потом, на втором курсе. А пока...

Лето!!!

Отдых!!!

Отпуск!!!

Домой!!!

«ЛЕТО, АХ, ЛЕТО, ЛЕТО ЗВЁЗДНОЕ, ЗВОНЧЕ ПОЙ!...»

К началу второго летнего месяца я вернулся домой с практики. Вернулся довольным, что снова закончил семестр без троек и получение повышенной, хотя бы, на рубль с небольшим, стипендии продолжится на втором курсе. Вернулся загоревшим от солнечного света, беготни по лугам и полям Кстовского района и отдыхая между той самой беготнёй на берегу холодной и чистой Шавки. Вернулся счастливым, что наконец-то можно отдохнуть дома, на своей мягкой и уютной кровати, вместо скрипучей, продавленной почти до пола пружинной, койки в кубрике и мешка с соломой, на коих мы спали в палатке геодезического лагеря.

Вернулся...

- Сынок! – мама, тоже счастлива видеть своего сына хорошистом и загорелым парнем, действительно, за последний год подтянувшимся в росте и слегка раздавшимся в плечах, - как тебя изменил последний год, сынок, и не узнать сразу. Тебе очень идёт эта форма, - она утирает слёзы, - ты в ней очень похож на своего дядьку.

Мама обнимает меня прямо на пороге квартиры, не дав, даже, поставить сумку на пол. Летняя форма пропахла потом и пылью дорог и полей, выглядит не так бело и свежо, как новая или постиранная.

- Какой измождённый приехал, - она оглядывает своего сына, слегка похудевшего щеками от избытка кислорода и физических нагрузок, - я и не знала, когда ты появишься.

Давай, снимай с себя всю свою форму и беги в душ. У меня борщ как раз сварился, обед же, сейчас дядя Саша придёт с работы...

- Свет через три дня в Свердловск на поезде уезжает, - мама, заходя в комнату, вытирает полотенцем руки после стирки.

- Распределение туда взяла? – интересуюсь, повернув к маме голову.

- Да, там большой проектный институт предложил молодым специалистам четыре места у себя. Вот она со своими подружками из техникума и едет.

- А кто с ней?

- Две Марины и Люда, все из одной группы.

- А какая вторая Марина? Я только Аникину знаю.

- Какая-то девочка с Бора с ними увязалась, место свободное было.

Всех Светиных подружек я знаю, бывая иногда в общежитии, где она жила, да, уже в прошедшем времени, во время учёбы и принося туда сумки с продуктами от мамы и потом планшеты и чехлы с чертежами. Да и в учебном корпусе бывал и подружек городских её знаю.

- На вокзал проводим её? – спрашивает мама. – Ты до какого времени дома?

- Конечно, проводим, мам. У меня отпуск до 30 августа.

- Ну и хорошо, будешь один в комнате...

Последние два месяца мы с Олей не пишем друг другу

писем. Слегка поссорились, как дети, а теперь оба страдаем. Виноватым были в той ссоре оба, но за собой, как мужчина, я видел право и обязанность извиниться первым. Хотя, не знаю, как она, а я точно страдаю, понимая, что сильно, по-настоящему влюблён и без её нежных и добрых писем не могу, скучаю. Мама писала и в училище, и потом, когда я уехал в Шаву, а Оля ни одного письма с апреля не прислала. Не знаю, характер показывает или что-то другое. Может, весна подействовала своими благоухающими ароматами цветущих деревьев и наливающихся зелёным ярким соком травы, разноцветные лепесточки первых летних цветов на даче или солнечные лучики на берегу нашего Тёплого озера, где в летние каникулы обитают все школьники посёлка. Не ведаю, а хотелось бы узнать и поговорить...

- Стас, привет, - слегка холодновато или мне так показалось, встретила меня Оля в дверях своей квартиры.

- Приветик, - как можно нежнее и ласковее ответил я, пытаясь её обнять.

Оля вышла на лестничную площадку, скрестив руки на груди, и прикрыла за собой входную дверь. Я понял, что дорога в этот дом для меня закрыта, но огонёк надежды маленьким фитильком пытается тлеть в моей душе, в душе любящего молодого человека. Мы с Олей не виделись месяца три и сейчас передо мной стоит не та девушка, в которую я влюблён, а какая-то почти незнакомая, повзрослевшая и слегка отдалившаяся. Округлости форм юного девичьего те-

ла не смогли скрыться под материалом домашнего цветастого ситцевого халатика и я ещё больше захотел выяснить все отношения с этим близким мне человеком.

- Что случилось? – поняв, что обнять себя она не даст, я присел на ступеньку лестницы. – Ты мне не писала, я скучал без твоего ровного и красивого почерка, без твоих добрых и приятных слов. Ольгунька, что произошло?

Поднявшись и приблизившись к Оле, облокотившейся на перила, я попытался обнять её снова и заглянуть, наконец, в серые, словно утренний влажный туман на реке, глаза. Она опять отстранилась и спокойно сухо произнесла:

- Стас, не ходи ко мне больше. У меня есть другой парень и я с ним гуляю теперь. Извини, - Оля, повернувшись ко мне вполоборота, открыла дверь в квартиру.

В этот момент я вдруг понял, что могу сейчас потерять мою любовь навсегда, больше никогда не смогу заглянуть в нежные серые глазки и обнять хрупкого девичьего стана. Мне никогда не позволят ворошить тёмных мягких волос и произносить тех слов, которые хочу произносить ей всю оставшуюся жизнь.

- Подожди, - я нежно взял в свои ладони её руку, пытаюсь остановить, - прости меня, малыш, я виноват в нашей ссоре и прошу у тебя прощения... Я люблю тебя и хочу быть с тобою всю жизнь...

Не знаю, легко ли мне далось это признание, но мне очень хотелось сказать его, хотелось...

Поняла ли она мои намерения или нет? Поймёт ли, что это навсегда? Сможет ли простить или нет?

Тысячи и тысячи вопросов без ответов пронеслись в моей голове всего за мгновение и она...

Пауза, затянувшаяся всего на несколько секунд, показалась мне вечностью. Показалась мне пропастью между вчера и завтра, между весной и летом, между апрелем и июлем. Настоящей пропастью, через которую мне надлежит перепрыгнуть. Надлежит...

Она вытянула свою ладошку из моих рук и просто ушла в квартиру, не подняв на прощание своих красивых глаз и тихонько захлопнув за собой дверь. А я остался стоять в недоумении, стоять и смотреть на цифру 5 на двери заветной квартиры, квартиры, в которой живёт любимый мною человек. Но любящий ли меня?..

- Ты чего такой грустный и так рано? – мама встретила меня в дверях.

- Да так, пойду спать, устал что-то. Практика вымотала, ноги гудят.

Мама, моя любимая мама, видящая меня насквозь и знающая мой характер, который, словно под копировальную бумагу, срисован с неё. Она выдержала паузу и через часик заглянула в комнату. Я, конечно же, не сплю, а просто лежу и рассматриваю забавные детские рожицы, вырезанные из картинок журналов, развешенные Светой над нашим письменным столом в виде надписи «миру-мир». По моим глазам те-

кут слёзы отчаянья, любви и грусти.

- Рассказывай, - мама присела на край кровати, - что случилось? С Олей поругались?

Ну что тут скажешь? Мама понимает и мама подскажет, что делать в таком положении и я рассказываю ей всё, всё с самого начала апреля, с той последней нашей встречи и последнего Олиного письма перед Первомаем. Может быть, сбивчиво, может быть, слегка не понятно, может быть, захлебываясь детскими слезами. Да только не моей маме, понимающей своего любимого сына с полуслова, с полувзгляда, грустного или весёлого...

- Ничего, - выслушав мой рассказ вперемежку со слезами и соплями, мама протягивает своё полотенце, - дай ей время, не тереби. У тебя отпуск, вот и отдыхай, купайся и загорай, катайся на велосипеде к бабушке, помогай ей по огороду. Придёт осень и всё встанет на свои места. Если она тебя любит, простит и вы помиритесь. Просто отойди на время в сторону...

Как хорошо, что год назад мы переехали в другую квартиру и я немного далековато живу от всех своих школьных друзей и подруг. Не так тянет бежать гулять с ними во двор, не так тянет к кому-нибудь идти в гости. Я мотаюсь к бабушке за Тёплым озером и опять прячу свой внутренний мир на его берегу, на рыбалке с удочками и сеточкой, вставая на рассвете перед первыми лучами солнышка...

Света уехала в Свердловск и уже оттуда звонит нам по те-

лефону, вызывая телеграммой на почту. Ей очень понравилось в большом городе, что работа в крупном современном проектном институте, что житие в комфортабельном общежитии со всеми современными удобствами середины 80-х годов. Ближе к осени придёт из армии её парень, Витя, и они там собираются пожениться, а мы...

Не буду снова торопить события, текущие своими речными просторами и убегая вдаль асфальтовыми покрытиями советских дорог...

Не буду...

Но, как ни крути, лето рано или поздно заканчивается и пора собираться на второй курс. Как-то с удовольствием хочется туда поехать, увидеть друзей и преподавателей, начать изучать специальные предметы и постигать скорее ремесло путейца.

- Стас, а ты почему ничего не покупаешь для учёбы? – спохватилась мама за пару дней до моего отъезда в училище, имея в виду тетради и чертёжные приборы.

- Мам, второй курс в полном составе едет сначала на сорок дней помогать собирать картошку в совхоз, а уж потом учёба...

**«ПОРА ВЗРОСЛЕТЬ НАМ, «КАРАСИ»!..» 2 КУРС.
ГОДЫ 1983-1984.**

ЧТО БЫ СЫТНО КУШАТЬ ЗИМОЙ, НАДО ОСЕНЬЮ

ПОТРУДИТЬСЯ

- 17-я рота, стройся! Автобусы пришли! – слегка забытый за летний отпуск голос старшины роты Лисина Серёги прозвучал громко и отчётливо прямо из коридора.

Мы лежим в своём кубрике на не расправленных кроватях, в рабочей одежде и гражданских куртках для тепла, «на чемоданах», а точнее, на сумках, рюкзаках и прочих мешках с вещами. Рота в составе всего второго курса училища едет в соседний совхоз помогать труженикам села убирать урожай всевозможных овощей, которыми нас потом щедро одарит руководство и мы всем училищем будем питаться ими до следующего урожая. Из года в год с далёких времен курсанты города помогают селу...

Дорога до совхоза очень знакома и только пейзаж уже слегка не яркий приятный и летний, а больше подходит золотой осени, деревья покрываются разноцветием, моросит дождик и немного неуютно выходить в такую погоду на поля. Сегодня последний день августа и первый день второго курса речного училища. Начинается он с месяца трудотерапии, с самой тяжёлой физической нагрузки, коей считается труд на селе...

- Выходим, приехали! – скомандовал командир роты и первым пошёл из автобуса.

Перед глазами открылся пейзаж территории пионерского лагеря, с длинными деревянными домиками и всеми осталь-

ными постройками. Мы построились в две шеренги, нас около полутысячи молодых и здоровых крепких парней от 16 до 20 лет. Сила!..

- Товарищи курсанты! – перед строем председатель подшефного совхоза. – Вы приехали помочь нашему совхозу убрать урожай и заработать своему училищу на зиму овощей. Это очень почётная и в то же время нелёгкая задача. Урожай в нынешнем году очень хороший и придётся работать, возможно, дольше месяца. С вашим руководством это согласовано и в учёбе вы потом наверстаете. Жить будете в этом пионерском лагере, трёхразовое питание будут привозить из нашей столовой. Я каждую неделю буду так же к вам приезжать и выслушивать накопившиеся проблемы, которые буду стараться решать. Спасибо за внимание, до свидания.

Он уехал, а у нас начались рутинные мероприятия по обустройству в лагере.

- Товарищи курсанты, сейчас вы по одному подходите и берёте у меня матрасовки. Затем подходите к вот этому стогу сена и набираете себе матрасы. Кто сколько наберёт, тот так и будет спать. Подходи по одному, - практически в каждой роте прозвучали одни и те же команды, а мы начали набирать себе ложе для сна из одного и того же стога, высокого и широкого.

Мы, словно саранча, набросились на стог и он на глазах начал таять, уменьшаться в размерах от нашего усердия. Для себя же стараемся, подобно труженикам муравьям, рассовы-

ваем сухое жёсткое пахучее и колючее сено и солому по полосатым утробам матрасовок. Расползаемся в свои комнаты и занимаем углы и стены, под батареями и под окнами, кому где нравится и кто где успел упасть со своими пожитками...

- А зачем мне тащить много соломы, я на тонком матрасе люблю спать, - хохмач и лентяй, Борька Бурдюк, и здесь решил отличиться и потащил тощую матрасовку в комнату, которую выделили нашей уже 21-ой группе, потащил, не упираясь и не кряхтя под тяжестью ноши.

- А я наоборот люблю на толстом спать, - Генка Калинов, деревенский парень с юга Горьковской области, усердно и плотно набивает свою матрасовку, - тяжело будет нести, зато мягко и тепло спать.

Генка, видимо, знает толк в сеновалах, со знанием дела сопит и работает, работает и сопит до тех пор, пока его матрасовка не становится круглой длинной кишкой, плотной с торчащими соломинами. Он взвалил её на плечо и еле-еле потащил по ступенькам корпуса, согнувшись под тяжёлой ношей, но, ведь, своя же, она не тянет. Только он вошёл в комнату:

- Калинов! Ты как спать на ней будешь? Она же круглая, кишка твоя! Свалишься на пол, разобьёшься! – Борька закатывается здоровым заразительным смехом, валяясь уже на своём тощем ложе, создавая визуальное ощущение, что спать будет почти на полу.

Все, кто успел зайти со своими вещами, грохнули друж-

ным смехом так, что весь корпус заходил ходуном. Хорошее начало! Весёлое! То ли ещё будет!

- А я посмотрю на тебя через несколько дней, - Генка начинает слегка прыгать пятой точкой на своём ложе, уминая до состояния приплюснутости.

У него это не получается, слишком сильно набил матрасовку.

- Ничего страшного, посплю пару ночей на таком, само уляжется, - спокойно говорит он сам себе...

К ужину мы все устроились и снова, как год назад, словно впервые в жизни увиделись, трещим анекдотами и новостями, накопившимися за летнее время. Мы с Вовкой рядом, бок обок, будем друг друга греть, если замёрзнем. Дорога не сильно нас утомила, спать не хочется, по комнате витает стойкий запах сухого сена, ощущение детства приливает волнами воспоминаний дедовского сеновала над баней, где мы, детки постарше, которые могли залезть туда по лестнице, любили играть в прятки и спать в прохладные летние ночки школьных каникул. Наши отцы запасали летом свежее сено для подстилки бабушкиным курам и складывали над баней, там и был наш схрон друг от друга...

- Рота, подъём! – зычный голос старшины в полупустом помещении корпуса лагеря прозвучал гулким эхом по всем комнатам, прерывая сладкие сны курсантов на свежем сене, с запахами деревни и луговых трав, берёзовых листочков и васильков в чистом поле.

Надо вставать, начались рабочие будни уборки урожая...

ПОЛЯ, ПОЛЯ, БЕСКРАЙНИЕ ПРОСТОРЫ...

- Ничего себе, просторы русские! – невозможно скрыть слов восхищения нашими полями с урожаем, после сытного и плотного деревенского завтрака, курсантов по ухабам и ямам совхоза привезли на бескрайнее поле свёклы, с которого и начнётся освоение или воспоминание о тяжёлом крестьянском труде.

Автобус остановился на краю поля с длиннющими бороздами, в которых виднеются «хвостики» поднятой трактором свёклы. В сторонке высится склад корзин, напоминающий Брестскую Крепость перед началом войны. И эту крепость мы должны разобрать к концу рабочего дня, что бы выстроить новую, уже из наполненной тары, «трудись, не хочу, товарищ курсант»...

- Товарищи курсанты! Работаем парами, берём по одной борозде и собираем свёклу в овощные корзины. По мере сбора сносим корзины в одно место, где и будет забирать машина, - бригадир даёт задание, а на меже «под парами» уже стоит пара грузовиков в ожидании овощей.

- Вовка, мы с тобой идём? – поворачиваюсь к другу.

- А куда ты денешься? – улыбается в ответ друг, натягивая на руки хлопчатобумажные перчатки.

И «понеслась душа в рай», как любила говаривать бабуш-

ка Маша, а теперь повторяет мама, напутствуя на какую-нибудь работу по саду и огороду. Вот мы и понеслись, хотя, слишком громко сказано, первый день, он всегда пристрелочный, притирочный – ты к корзине, свёкла к тебе и вообще работа к продолжительности осеннего дня. Да, сегодня первый день осени, сияющий ярким и тёплым солнышком, полный штиль не гоняет песок и пыль по полям, словно напутствуя нас на великие подвиги по сбору урожая. Окраины полей заросли кустами и деревьями, принимающими постепенно окраску бесподобного осеннего полотна художника с сочным именем Сентябрь. Широкой кистью он размахивает по белому свету и опрыскивает красивыми разноцветными мазками ветви берёз и тополей, кусты шиповника и смородины. С такой приятной погодкой и работается легче, а тем более, в первый рабочий день, когда и корзина кажется слишком лёгкой, и свёклы ещё не так много на полях, и пищи для организма достаточно, а она ещё и очень вкусная и разнообразная. Как задастся начало, так и проведешь весь месяц, что и предрекалось...

- В прошлом году второкурсники весь месяц грязь по полям меси́ли. Помнишь, какой сентябрь был, когда мы поступили в училище? – нагибаясь за очередной спелой бордовой свёклиной, Вовка повествует услышанное от старших товарищей.

- Помню, а что, плохо убрали?

- Да половина ребят простудились, по совхозной больнице

мотались и в училищный лазарет много слегло. Не повезло им в прошлом году. Как у нас будет, интересно?..

И мой друг поднял голову к жёлтому светилу, не по-осеннему решившему нас подогреть, словно на черноморском пляже.

Машины быстро наполняются овощами и уезжают на склады. Солнышко поднимается выше и выше и время к обеду, который приехал точно в установленное председателем совхоза время. Расположившись на меже отдыхать, мы с удовольствием уплетаем наваристые щи с большими кусками мяса, картошку с ним же и свежий мягкий белый хлеб прямо с совхозной пекарни, которого дают буханку на пару курсантов. Компотом отшлифовывая всё с удовольствием съеденное, ложимся отдыхать прямо на желтеющую траву и пока ещё тёплую землю. Хорошо-о-о-о...

Погода нам очень благоволит и силы пока ещё не покидают молодые и сильные тела. Дни летят, словно перелётные птицы, размеренно и легко, взмахивая своими тёплыми солнечными крылами по утрам и опускаясь на ночлег с первыми яркими звёздами сентябрьского вечера, быстро опускающегося на постепенно остывающую осеннюю землю. Вечерние хохмы в комнате, постепенное перекочёвывание лишнего сена и соломы из мешка одного рачительного курсанта в мешок лентяя другого, шутки и подколы близлежащих соседей, письма родным и любимым, вечерние проверки и сладкий сон после мирного дня трудового...

Так пролетела первая неделя...

- Товарищи курсанты! Погода очень вам помогает и я рад, что вы идёте немного быстрее намеченного графика уборки, - очередной приезд председателя выстроил нас прямо на меже свёкольного поля, сразу после сытного обеда, - но есть одна проблема и вы должны нам помочь её решить! На ближайшие три ночи ожидается сильный заморозок на почве, а мы подняли из земли слишком много овощей. Сегодня надо поработать ночью, что бы ничего на рассвете не замёрзло. Какие будут предложения? – он обратился не к старшинам, а прямо к строю.

Сначала гул недовольства накрыл наше неровное колхозное построение, роптания по поводу усталости слышатся из каждой группы почти полутысячной армии помощников села. Только через несколько минут, когда всё начало затихать, мы стали немного успокаиваться, выпустив пар, голос ответственного за уборку командира роты судоводителей громко произнёс:

- Товарищи курсанты! Вы военные люди и должны, просто обязаны выполнять приказы! Председатель совхоза обещает двойной ужин привезти прямо на поле, но надо поработать ночью! Просто так надо! И мы выполним этот приказ! Я на вас очень надеюсь! А по поводу опережения графика скажу так! Начальник училища, Николай Кузьмич Медведев, велел передать вам, если уберёте весь намеченный для нас совхозом урожай раньше конца сентября, получите двадцать дней

отпуска перед учёбой!

Теперь возгласы одобрения на улыбающихся лицах парней показали всем присутствующим, что мы совсем не устали, нас всё устраивает и мы согласны на работу в ночное время суток. Даже, романтично как-то, ночки-то осенние тёмные, «хоть глаз выколи», особенно в чистом поле. Всё замечательно, как в поговорке «Нам солнца не надо, нам партия светит! Нам хлеба не надо, работу давай!»...

Она и продолжилась после часового отдыха и плотного ужина прямо на меже...

Ночное чернущее, как гудрон на стройке, небо, с вкраплениями ярких холодных сказочных точек. В начале и в конце межи стоят машины и освещают фарами поле. Постоянно перемещающиеся тела курсантов, откидывают вдоль него длиннющие тени, похожие на сказочных чудищ, при этом героически собирая выращенный колхозом урожай свёклы. Чем не романтика для приятных строк какого-нибудь поэта. Был бы поэт, да только в эти годы я даже и не помышлял о творческом ремесле, главными потугами оного являются красивые и нежные, тёплые и добрые письма Оле...

Эх, и те пока висают где-то между небом и землёй, между моим почтовым ящиком и Олиным, между её домом и моей соломенной кроватью в комнате пионерского лагеря, между моим желанием восстановить отношения и ее упорным молчанием...

Где-то...

Рано или поздно, ночь заканчивается, и на рассвете, действительно подмороженном рассвете, мы измождённые падаем на импровизированные кровати из матрасовок с соломой, почувствовав неприятный озноб от холодного ветерка и лёгкого первого белёсо-прозрачного инея на земле и кончиках тоненьких стебельков травы. Дыхание разгорячённых работой молодых юношеских тел видно в свете фонарей лагеря и зарождающихся полосок рассвета на горизонте...

Успели...

Поднятый тракторами днём из земли урожай, благополучно спрятался в закромах совхозных амбаров. А мы уткнулись в такие же набитые соломой наволочки, отдалённо напоминающие подушки, объявлен отдых до обеда...

ВСЁ РАВНО ПО НЕЙ СКУЧАЮ...

Сегодня приехала почта из училища и мы разобрали письма от родителей и любимых девушек, от сестрёнок и братиков, от тех, кто не забывает, что курсант всегда скучает и ждёт весточек из далёкого дома, от близкого сердцу человека...

Жду и я. Да только Оля так и не отвечает на мои нежные строки Любви и просьбы о прощении. Пишет только мама, моя Любимая и далёкая мама, оставшаяся одна в нашей однокомнатной квартире. После окончания техникума и отъезда в Свердловск Светы, она переехала жить обратно в свою

квартиру, оставив дядю Сашу одного. Письма от сестры получает и пересылает мне, если есть что в них для меня.

Всё это замечательно, но я очень и очень жду, что Оля меня простит и напишет весточку. Она пошла в десятый, выпускной класс, возможно, занята учёбой и домашними делами, помощью младшему брату Серёге, за которого я когда-то, совсем недавно учил английский язык. Возможно, гуляет нашими тенистыми аллеями школьного парка с другим парнем... Даже, не хочется об этом думать, хотя, в одном письме мама и написала мне такую мысль. Посёлок маленький и почти все взрослые люди с нашего квартала работают на одном заводе, где и встречаются периодически друг с другом. А где встречи, там и слухи со сплетнями о детях и друзьях...

- Курсант Климов, тебе письмо с красивым женским почерком, - дежурный по роте Димка Меняшкин улыбается во все свои зубы и розовые его, точно у слона, уши топорщатся от удовольствия надо мной поиздеваться.

В моём сердце ёкнула надежда. Она решилась! Она простила! Она написала мне, наконец!

Облом, это сестрёнка написала мне напрямую в училище, минуя маму...

«Если гора не идёт к Магомеду, тогда Магомед идёт к горе», в сердцах подумал я и решился на отчаянный шаг бежать домой под видом заболевшего. Честно сказать, высокий борт машин к тому и располагал, что через пару недель

резких подъёмов наполненных свёклой и турнепсом двадцатипятикилограммовых торфяных корзин в кузов машины у меня начал болеть низ живота. И как-то на вечернем осмотре фельдшер колхоза сказал, что воспалились жилы в паху от перенапряжения и тяжёлого труда. Во как! Молодой и спортивный парень, да не штангист же я, в самом-то деле! Вот и получил «лёгкий труд и осмотр в больнице училища» на несколько дней...

- Привет, а ты какими судьбами? – мама увидела в дверях слегка измождённого парня в гражданской одежде.

Я примчался на электричке на пару ночей домой. Примчался постирать рабочую одежду, немного превращённую в комья колхозной грязи и серость полевой пыли за неполные три недели работы на полях страны.

- Да так, слегка перетрудился, в паху болит, вот и отпустили, - уклонился от конкретного ответа я, понимая, что всего маме говорить не стоит.

На самом деле, попросил медсестру медсанчасти училища отпустить меня повидать маму, которая написала, что болеет и мало выходит на улицу. Сердобольная пожилая женщина поверила и отпустила на две ночи, понимая, что рискует. Если меня хватятся и придут для того, что бы на катающейся с почтой и за овощами машине отправить обратно...

- Я пойду, прогуляюсь по улице, - вечером одеваюсь и стою в коридоре.

Мама выходит из комнаты и смотрит в мои глаза:

- А стоит? Она тебе так и не написала ни разу. Может, она с другим уже гуляет, будешь только раздражаться, злиться, сынок, - прекрасно понимая, куда я направляюсь, пытается остановить меня.

- Нет, мам, схожу, - как отрезал я и вышел за дверь...

Знакомые места, высвеченная из осенней темноты дорога к её дому. Сухой серый асфальт, словно мелкой наждачной бумажкой, шлифуется пожухлой серо-жёлто-зелёно-красной листвой, гоняемой лёгким вечерним прохладным ветерком. На дворе приятный тихий сентябрь со всеми прелестями умильной погоды, как у Пушкина «осенняя пора, очей очарованье...». Я шагаю и ворошу ногами листья по асфальту, а сердечко бьётся со страшной силой «а надо ли? а стоит ли? а вдруг? а если?...». Произвольно замедляю шаг перед её домом, стою в темноте кроны не совсем осыпавшегося клёна и спиной чувствую холодок нашего расставания. Чувствую, и это удерживает меня на месте, не даёт ступить шагу из тени дерева, подойти к подъезду и распахнуть его настежь...

Вдруг...

Из Олиного подъезда, резко распахнув ту самую дверь, выбегает парень крупного телосложения.

- Санька... Большухин... - только и срывается шёпотом с моих губ имя парня, живущего в соседнем с ней подъезде и постоянно «клеящегося» к моей Оле на правах друга по дому.

О том, что он мог бы выйти от кого-нибудь другого и не

мелькнуло в моей голове...

Санька «семимильными» шагами идёт вдоль дома к своему подъезду. Что-то там, видимо, произошло, со свидания так не бегут. Значит, надо действовать и я выхожу из тени, направляясь к заветному подъезду. Распахиваю дверь и сердце прямо выскакивает из груди. Я не видел Олю очень давно...

- Приветик, - как можно более дружелюбно и легко произнёс я, как только Оля открыла дверь квартиры, похоже, ожидая вновь увидеть Сашку.

- Привет, - так же мягко улыбнулась она, как одновременно с её ответом внизу хлопнула дверь подъезда, и через несколько секунд на площадку второго этажа влетел разъярённый Сашка.

Я оглянулся и услышал его слова, предназначенные мне и сказанные, явно, с неприятной ухмылкой:

- Привет, курсантик. Появился, не запылелся. Пошли вниз, на улицу, поговорим.

Он взял меня за ворот куртки и поволок вниз так, что я едва успеваю переступать по ступеням. Ничего не понимая и не подозревая, я вышел за ним из подъезда и мы направились на пустырь за их домом.

- Ты зачем про нас с Олей распространяешь сплетни? – резко остановившись, повернувшись ко мне лицом, зашипел он в темноте пустыря.

Я совсем опешил от его ложного обвинения и не знаю, что

ответить. И неожиданно это произошло, и совсем не правда. Я, находясь в Горьком, даже, и не знал, что она именно на него меня променяла и с ним начала гулять. Вот дела...

- Что, молчишь? Значит, правду говорят в школе! На тебе за это! – и он с приличной силой саданул кулаком меня по челюсти, попав в левый край подбородка так, что я слегка присел на песок.

Так же резко он отвернулся от меня и зашагал из темноты, произнеся ещё тише и противнее:

- Ещё раз узнаю, убью...

Стою на пустыре, так и не поняв ничего из произошедшего за считанные секунды. Из края подбородка течёт кровь, которую пытаюсь остановить рукавом новой джинсовой куртки и не могу собрать в кучу свои разбегающиеся мысли. Похоже, кто-то третий в школе не хочет, что бы Оля встречалась со мной и с Сашкой. Вот и придумал такой слух. Сашка, вообще, закончил в этом году школу и в техникуме учится, откуда он черпает такую информацию? Я же в школе уже второй год не учусь и почти ни с кем не общаюсь, проведя каникулы на Тёплом озере да в огороде у бабушки Маши. Да и те, с кем из школы летом виделся, данной темы и не обсуждал...

Получил, блин, за свою Любовь...

«Кровь – Любовь...», во, уже рифма выскочила...

Надо было тогда, пребывая в шоке, начинать писать стихи...

К Оле уже смысла нет идти. Кровь по лицу размазал и рукав в ней же. Платок носовой тоже в крови. Надо бежать домой...

- Ты где это так?! – мама присела от моего вида, пропуская в ванную комнату.

- Да так, за любовь пострадал от Олиного парня.

- От Большухина, что ли? – спокойно спрашивает мама.

Поворачиваюсь к ней и недоумённо смотрю в глаза.

- Да не смотри так. Его мать в нашем цеху работает, вот и рассказывала, что сын дружит с Олей Малышевой из соседнего подъезда. А что в их доме таких много что ли? Вот я и поняла, с кем теперь твоя разлюбезная, - произносит последнюю фразу с подколом.

- Так ты всё знала? – перехожу на крик я.

Мама спокойно выдерживает паузу, а мне в это время ничего не остаётся, как смывать с лица и рук запекающуюся кровь и снимать с себя окровавленную одежду...

- Я же тебе говорила, не ходи, ничего хорошего из этого не выйдет. Успокойся, найдёшь себе другую такую, ещё лучше...

Я не даю маме договорить обидные слова и снова кричу на всю ванну:

- Мама, мне другая не нужна! Я Олю люблю и всё тут!

И закрываю за собой дверь ванной.

- Да люби ты себе на здоровье, только на расстоянии. Не пара она тебе, не пара, вот помани моё слово, сынок. Пока ты

учишься в училище, найдёт она себе другого. Да и родители её не отпустят с тобой, когда работать поедешь, - уже через дверь заканчивает нравоучения мама.

Инцидент на сегодня исчерпан...

Утром одеваюсь в чистую и сухую одежду, собираю сумку с выстиранными рабочими вещами и уезжаю обратно. Уезжаю со спонтанными чувствами, переваривая случившееся накануне вечером, перекладывая мысли с одной полочки головного мозга на другую, пытаюсь понять, кто такую подлянку сделал? И не из-за неё ли у нас так всё расстроилось с Олей ещё в апреле?..

Поживём-увидим...

Лучик надежды сильнее запылал на моём горизонте...

Вот и увидели, когда через неделю...

И МЕЛКИЙ ДОЖДЬ НАМ НЕ ПОМЕХА...

- Климов! Тебе письмо, да какой-то незнакомый красивый почерк, от какой-то Оли Малышевой! – вечный дежурный, высокий «Слон» поднял над головой конверт и ухмыляется, стоя посреди комнаты с уже почти ненавистными матрасами.

Мне ли с ним тягаться в росте, он под метр девяносто, а я всего метр шестьдесят пять по последним данным. Правда, через несколько минут препирательств, бесплодных подпрыгиваний до его руки и оттаптывания мною «Слону» носков ботинок, он отдаёт письмо.

Глазам своим не верю! От неё! От Оли! От моей Оли!..

До отъезда домой нам осталось два дня...

Проливной дождь конца сентября не помешал нам собрать остатки картошки, помогая школьникам города, посланным на помощь селу собирать хороший добротный урожай. До этого мы и турнепс убирали, и редьку, и всё, что просили. А почему не помочь деревне, если есть время и стимул для ударного комсомольского труда. Участившиеся утренние промозглые туманы перемежевываются с инеем на рассвете и похолоданием на закате солнышка. Пора бы и честь знать, отдохнуть и учиться дальше уму-разуму речному ремеслу...

- Всё нормально? – Вовка увидел моё счастливое лицо, я сложил письмо в конверт после прочтения и радостно улыбаюсь.

- Да, теперь всё у нас будет хорошо, просто замечательно, - шёпотом и в растяжку отвечаю другу, поворачиваюсь на бок, пряча от него слёзы счастья и любви...

Оля поняла, откуда дул ветер лжи и сплетен в школьных стенах и упрёков в несуществующих юношеских изменах, простила за всё и сама попросила прощения у меня. У нас снова возобновились дружелюбные тёплые и нежные отношения...

Через несколько лет, став моей законной супругой, она расскажет, что тогда произошло, в апреле 1983 года...

За окном автобуса из прохудившегося серого неба моро-

сит холодный мелкий дождик. Я припал головой к стеклу и смотрю на капли осеннего дождя, сопровождающего наш отъезд из пионерского лагеря в расположение дома курсантов. Сегодня, возможно, нас отпустят по домам...

- Товарищи курсанты! Вы очень большие молодцы! Вы помогли собрать не только тот урожай, который планировалось для вас, но и помогли школьниками и студентам других учебных заведений! В прошлом году погода очень мешала вашим предшественникам, и они то же самое собирали сорок дней! Сегодня 29 сентября и по поручению руководства совхоза объявляю вам всем сердечную благодарность, а от имени начальника училища объявляю двадцать суток отпуска! В расположение дома курсанта вам всем необходимо прибыть 19 октября! Разойдись! – длинная, но трогательная речь заместителя начальника училища по политической части Владимира Аркадьевича Банифатьева прозвучала, словно подарок на день рождения.

Мы, измождённые работой и неудобствами проживания, но счастливые, что всё это время кормили «от пуза» и вкусно, разъезжаемся отдыхать по домам. Далеко живущие ребята решили остаться в доме курсанта и жить в отремонтированном летом корпусе. На многих этажах появились новые лысые головы юных новобранцев нашей знаменитой на всю страну «Кулибинки», лупоглазых и любопытных. Знакомство с ними будет чуть позже, а пока отдыхать...

Кто бы из нас мог знать тогда, кто бы мог предполагать из

отъезжающих по домам курсантов 17 роты, что вернёмся мы не на отремонтированный и покрашенный свежей краской и белилами уже полюбившийся четвёртый этаж дома курсантов...

Вернулись мы после отпуска на покрытый густым слоем сажи и пропитанный запахом гари уже полюбившийся за первый курс четвёртый этаж. Проплешины и подтёки в штукатурке на стенах и потолках, с проступающей старинной сеточкой из деревянной тонкой дранки, напомнили кадры фильмов об осаждённых и разбомблённых городах времён Великой Отечественной войны. Наш побеленный и отремонтированный летом этаж просто сгорел от безалаберности курсантов 17-ой роты, оставшихся на внеочередные каникулы в доме курсанта, теперь стоит закрытый «по аварийности состояния» для проживания...

А случилось вот что...

«СНЯТЬ РЕМЕНЬ И ГЮЙС, ВЫ ОТЧИСЛЕНЫ...»

- Курсант Фасуляк! – голос Владимира Аркадьевича звучит громко и отдаётся гулким эхом в почти пустом актовом зале учебного корпуса, здесь присутствуют только «второкурсники».

На сцену, к стоящему уже там заместителю старшины нашей роты Олегу Бриленкову, высоченному спортсмену и слегка надменному курсанту из 22 группы, а так же двум

курсантам нашей группы Бурдюг Борису и Румянцеву Семёну, поднимается невзрачный и хиленький Володя Фасуляк.

Владимир Аркадьевич начинает зачитывать приказ начальника училища о недостойном поведении стоящих на сцене курсантов, заканчивая его просто убийственными словами:

- «За недостойное поведение, порочащее звание курсанта Горьковского ордена «Знак Почёта» речного училища имени Ивана Петровича Кулибина, проявившееся в зверском избиении курсанта 21 группы отделения «Водные пути сообщения» Калинова Геннадия, объявить курсанту 22 группы отделения «Водные пути сообщения» Бриленкову Олегу и курсантам 21 группы отделения «Водные пути сообщения» Бурдюг Борису и Румянцеву Семёну строгий выговор. Курсанта 21 группы отделения «Водные пути сообщения» Фасуляк Владимира из училища отчислить...

А предшествовало этому...

...Далеко живущие курсанты остались после поездки «на картошку» в расположении дома курсанта на все двадцать дней. Кто-то из расчёта, что долго добираться до дома и обратно, кого-то просто небогатые родители не имели возможности привезти домой. Таких ребят набралось с десятков. Жили почти все в одном кубрике, только оставленный командиром роты за старшего Бриленков поселился в баталерке, прямо на стопках сложенных матрасов. Боря Бурдюг, как заместитель старшины группы, спал на такой же стопке ря-

дом. Никто на четвёртый этаж часто не заходил, зная, что рота в отпуске. Они и устроили однажды пьянку с покуриванием сигарет, для чего пригласили к себе двоих других курсантов – Фасуляк и Румянцева.

Гена Калинов, из числа всё тех же оставшихся курсантов, боксёр, всё свободное время посвящал любимому спорту и ездил на трамвае куда-то в город заниматься в спортзале. Однажды пришёл в кубрик, на улице уже холодно, а дом курсанта плохо отапливали, батареи почти не грели. Он зашёл в баталерку и попросил пару дополнительных одеял, благо их лежала не одна стопка. Подвыпившие курсанты сначала грубо отмахнулись от него, а когда Генка настойчиво попросил, всё-таки, выдать ему одеяла, просто избili бедного парня все вместе. Били хладнокровно и жестоко, вчетвером, не гнушаясь ударов ногами по лицу и голове. После этого случая он угодил в больницу с переломом носа и руки, угодил надолго. А они, сделав своё грязное дело, завалились на импровизированные лежаки из стопок матрасов и одеял, продолжили пить и курить, стряхивая пепел на тряпичные изделия или вообще никуда не стряхивая. В результате этого матрасы начали тлеть, когда курсанты благополучно уснули тут же...

Пожарные машины на территорию дома курсанта примчались в то время, когда дым валил из окон и стелился по всем пяти этажам корпуса. Лестница едва доставала до нужного этажа, да и к стене дома вплотную подъехать невозможно,

там широкий красивый палисадник засажен рядами из молодых ёлочек. Клубы сажи и гари заняли всю площадь старинного здания, перекрытия в котором сделаны ещё в прошлом веке из тонкой доски, а для скрепления цемента ещё и стены дранкой забраны. Полыхало будь здоров, как рассказывали потом другие курсанты, проживающие во второй половине здания и на этажах ниже и выше нашего. Этаж стал непригодным для жизни, чёрный и пропахший едкими дымами. Сами «горе-поджигатели» отделались лёгкими удушьями угарными газами и, вовремя очухавшись, быстро ретировались из дома курсанта. Им-то что, они в отпуске, на руках увольнительные на двадцать суток, с них взятки гладки...

Как Генка оказался в больнице, он так и не вспомнил, как мы его ни спрашивали, да и не только мы. Следователи пытались докопаться до истины, но, увы, у нашего товарища, может быть, даже, слегка «поехала крыша», в чём я лично убедился через несколько лет...

Пролежал он в городской больнице и училищном лазарете больше месяца, да и потом столько же ходил с синими подглазьями и забинтованным носом. Он очень не хотел брать академический отпуск, хотя, именно по данному поводу приезжала из деревни его мама, вызванная телеграммой начальником училища. Она одна воспитывала парня и настаивала на отпуске, говоря, что надо подлечиться на свежем воздухе и в домашних условиях. Крепкий спортивный

деревенский организм, казалось, взял верх над болезнью и увечьем, Генка вернулся на учёбу ещё до начала зимней сессии. Скромный деревенский парень, пострадавший от рук пьяных балбесов, быстро восстановился, только о таком силовом спорте, как бокс, ему пришлось на время забыть.

Всех бы курсантов, устроивших пьянку и нанёсших моральный и материальный ущерб училищу и человеческому организму, «под одну гребёнку» выгнали из училища с позором, но...

Наш хиленький и глуповатый на вид Володя Фасуляк решил стать «национальным героем» со знаком минус и взял всю вину на себя, сказав с бахвальством и гордостью, что один бил Генку, боксёра и крепкого парня. Умора! Смешно, но факт неоспоримый.

Не знаю, на что Володя рассчитывал, в мозг курсанту влезть никто не смог, но так, видимо, устраивало всех, его одного постигла данная неприятная процедура и последовавшая за ней участь:

...- Учитывая всё вышесказанное... - здесь замполит училища сделал свою многозначительную паузу, пытаясь, наверное, донести следующие слова до сердца каждого присутствующего в зале курсанта великого и прославленного учебного заведения, - ...курсант Фасуляк! Снять ремень и гюйс! Вы отчислены без восстановления и никогда больше не сможете позорить имя курсанта Горьковского речного училища!..

Наступила ещё одна многозначительная пауза, во время которой, наверное, каждый по-своему переваривал сказанное замполитом...

В зале гробовая тишина и стук сердец колокольным звоном...

Надо было видеть глаза Володи, явно, не ожидавшего такого исхода. А что он хотел? Он своим видом на протяжении всего времени учёбы пренебрежительно относился ко всем святыням училища, не понимая или не желая понимать происходящего в его молодой ещё жизни...

Похоже, ему было далеко наплевать, где он обучается, главное, отучиться и получить диплом, хотя, зачем он ему при таком отношении ко всему происходящему? Положить на полочку, как простую картонную книжицу?..

Не знаю, как кому, а моё сердце колотилось со страшной силой, когда я услышал «приговор», сказанный, словно забивая гвозди в последний необратимый путь человека, Владимиром Аркадьевичем. Интересно, часто ему приходится за свои несколько десятков лет работы на такой должности вот так жёстко, с позором, выгонять курсантов из училища?

Не хотел бы я стоять лицом к своим товарищам и лишаться уже свершившегося и сплотившегося братства будущих капитанов речного флота страны, помогающих друг другу в трудную минуту и подставляющих плечо в полосатой тельняшке под оступившегося товарища. Мороз по коже от таких слов! Я произвольно мысленно передёргиваю плечами

и, не шелохнувшись, стою между сиденьями рядов актового зала, смотря только на сцену...

- Снять ремень и гюйс!!! – ещё раз, чётко и очень громко произнёс Банифатьев и подошёл к опустившему голову Волюде.

Из глаз уже бывшего курсанта путейского отделения Володи Фасуляк лились слёзы. Он понял, похоже, что обратной дороги нет. Нет! То ли это текли слёзы раскаявшегося ребёнка, понявшего, наконец, что он натворил, то ли слёзы в один миг, правда, необратимый миг, повзрослевшего мужчины. Не знаю. Он так и не смог отстегнуть от фланки гюйс и вынуть из петель ремень с жёлтой бляхой. Стоял «руки по швам», чего не делал ни на одном построении, за что частенько получал замечания командира и старшины, стоял оцепеневший от услышанного вердикта. Атрибуты пропитанного более чем вековой героической историей курсантов речного училища, которых лишают только в крайних неприятных случаях, снял с него заместитель начальника училища по политической части, самолично...

Через день он уехал на свою Родину – в Ворошиловград и мы никто и никогда о нём ничего не слышали. Где он сейчас, наш безбашенный и слегка надменный товарищ по учёбе? Извлёк ли уроки на будущее?..

А выговоры, объявленные трём курсантам, так и сыграли впоследствии с ним злую шутку, с каждым в отдельности, о чём я поведаю немного позже.

А пока нам предстоит жить и учиться дальше, плечом к плечу с ними, оставшимися рядом и чётко помня, кто мы и для чего здесь государство тратит на нас свои средства...

Надо взрослеть, «караси»! Надо!

И перемены для того самого взросления не заставили себя долго ждать, когда...

«БУДЕМ УКРЕПЛЯТЬ ДИСЦИПЛИНУ!»

Они вместе появились на вечернем построении, когда в коридоре второго этажа учебного корпуса выстроились четыре группы второго курса путейского отделения. Две группы «восьмилетчиков», как нас называют из-за поступления после восьмого класса общеобразовательной школы и две группы «десятилетчиков», которые сформировали при поступлении сразу на второй курс из выпускников полного курса школ и речных профессионально-технических училищ. В основной массе своей это курсанты из парней с речных затонов, коих вокруг Горького расположилось несколько, по типам и классам судов, и во всех есть такие училища, где учатся потомственные речники, дети и внуки работающих на флоте. У них, что ни фамилия, сплошь третье да четвёртое поколение прославленных капитанов и механиков, как мой Мирончик...

- После всех неприятных событий, произошедших на отделении «Водные пути сообщения», - начал речь начальник

специальности, Владимир Николаевич Балясников, появившийся из своего кабинета, - руководством училища принято решение расформировать 17-ую роту в том составе, в котором она существовала до настоящего времени. Приказом начальника училища из групп 21, 22, 23 и 24 создаётся рота номер 15. Командиром роты назначен Малышев Владимир Петрович, выпускник нашего отделения конца шестидесятых годов. Прошу любить и жаловать, - улыбнулся он, показывая на стоящего по стойке «смирно» бравого усатого курчавого мужчину, явно, спортивного телосложения, с цепким и жёстким взглядом, - командуйте, Владимир Петрович.

Шушуканья недовольства в строю немного сильнее разрешённого насторожили отцов командиров. Они замотали головами, выглядывая недовольных, как из строя слегка вальяжно вышел старшина нашей группы Олег Папилов и попытался заговорить:

- Народ интересуется...

Владимир Петрович резко и громко оборвал его речь:

- Рота, слушай мою команду! – сразу взял «быка за рога» новый командир новой сформированной роты. – Вы не народ, а курсанты флотского учебного заведения военного типа! А в армии приказы не обсуждаются! Недовольные могут сделать два шага вперёд, и я буду с каждым разбираться в индивидуальном порядке! Дисциплина в роте хромает на обе ноги, и этим вы позорите всё путейское отделение! Будем укреплять дисциплину каждого курсанта! Вашу, 15-

ую роту, сформировали заново и меня назначили её командиром! Ещё вопросы есть?! Вопросов нет! На-ле-во! Разойтись! Старшины группы подойдите ко мне!..

У нас осталось десять минут большой перемены и мы разошлись, тихо, мирно, словно пришибленные пыльным мешком. Лафа, в которой рота жила до сих пор под крылышком «деда», похоже, закончилась. Теперь всё будет по-новому, судя по громкому и резкому заявлению командира, для нас наступило время ждать перемен. Правда, до перестроечной патриотической песни Виктора Цоя «Перемен, требуют наши сердца...» оставалось ещё несколько лет, да и не требовали наши сердца тех самых перемен. Они сами пришли, не стучась и не спросясь разрешения. В одном командир прав, мы в военном учебном заведении и приказы начальства не обсуждаются...

Только потом, спустя пару лет, когда я, выпускник училища, девятнадцать лет отроду, стану начальником вахты земснаряда и в моём подчинении будут работать мотористы и матросы от двадцати трёх до пятидесяти лет, я пойму, как необходима эта самая внутренняя дисциплина каждому флотоводцу, особенно командному составу. Очень необходима!..

А пока начался новый этап нашей учёбы и жизни по расписанию. И это ещё не все перемены, ожидающие 15-ую путейскую роту второго курса. Самое интересное впереди и оно пришло так же неожиданно, как и первое, буквально, на

построении перед ближайшей вечерней самоподготовкой...

Этаж на ремонте и мы ютимся на первом с третьекурсниками нашего отделения, которые вот-вот должны приехать с плавательской практики. Целых восемь кубриков закрыты и где мы будем жить зимой, одному Богу известно да, наверное, отцам командирам. Подождём...

- Рота, стройся на самоподготовку! – голос дневального по этажу поднял нас с кроватей, где мы бурно обсуждаем назначение командира роты и заодно придумываем ему прозвище, как положено, для скорейшей передачи информации.

- Начальником училища принято решение разрешить всем городским и пригородным курсантам роты проживать дома! Половина четвёртого этажа будет закрыта на ремонт до конца учебного года! Поэтому жить всем негде! Оставшиеся курсанты будут уплотняться и жить по две группы в одном кубрике! – голос командира громко звучит на весь коридор. – Все подробности данного решения и списки разрешённых к проживанию дома находятся у старшины роты Лисина. Все вопросы к нему! Разойтись!

Коротко и ясно. Правда, не совсем ясно пока. Но это только пока. Мы же будущая элита речного флота и нам не пристало долго ходить в неведение.

Сначала мы, конечно же, ничего не поняли, как это военное заведение может позволить курсантам свободно жить по домам, приезжая только на учёбу, наряды и общие мероприятия дома курсанта. Чуть позже мы поймём, что и как, по-

чему и зачем? А сегодня мы довольны, что кто-то попал в список и получил привилегию перед другим. Жизнь забила совсем другим ключом, о проблемах ударов и синяков от которого по голове курсанта, в том числе и вашего покорного слуги, мало пока кто понимал. Главное, уже на втором курсе мы вырвались на свободу. Вот идиоты! Многие и не знают, что с ней делать, с чем её употреблять в личной жизни. Домашняя городская обстановка расхолаживает и расслабляет, порождает развитие пороков и лени, даёт тебе лишний шанс опоздать на учёбу и получить за это совсем ненужный наряд вне очереди на ближайшие выходные. А всё из-за того, что вчера ночью прогулял с девчонкой или пацанами по городу и, конечно же, проспал на первую лекцию. Проспал – получи!..

- Буздык Андрей, 21 группа! – что бы не забывать в лицо живущих дома, командир роты на внеочередном построении в коридоре путейского отделения, на большой перемене между лекциями, внимательно изучив рапортики за прошедшую неделю, пристально читает списки проштрафившихся, руша их жизненные планы за разгильдяйство. – За неделю три опоздания на первую лекцию! Что это, Андрей Александрович? Выйти из строя!

Наш рохля и мямля, Андрюха Буздык, тихий троечник и одновременно сынок преподавателя экономики в училище, между прочим, кандидата экономических наук, ни рыба, ни мясо, стоит перед Владимиром Петровичем. Объяснений у

него нет, ведь, он просто проспал все три раза после гулянки с девушкой, о чём потом вздохнул и рассказывал доброй половине группы. Что он на это ответит? Да ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.